

МАРГАРИТА АРДО

Маргарита Ардо

VIP Грабли

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65106262

Аннотация

Она: мой жених оказался сволочью, изменив мне с подругой за месяц до свадьбы... Я опозорилась, и новую работу в столицах мне предложат не скоро. И вообще лучше быть от Москвы подальше...Теперь придётся завоевывать деревню Маломишкино. Но кто не падал, тот не вставал. А я встану! Разбужу это сонное царство! Кстати, уже есть идеи!

Я взглянула на замок на горе и подумала: мне туда!

Он: Я построил замок в самой дыре цивилизации. После бизнес-войн я хочу покоя и тишины... Покоя, я сказал!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	54
Глава 8	65
Глава 9	75
Глава 10	83
Глава 11	97
Глава 12	108
Глава 13	120
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Маргарита Ардо

VIP Грабли

Глава 1

Мда, вот тебе, Мила, и Бали, и Мальдивы, и Лондон с Амстердамом! В двух шагах от меня прошла корова в трансе.

Я взглянула без какой-либо романтики на самый что ни на есть деревенский пейзаж: зелёные холмы, возвышающиеся справа от железнодорожного полотна, облепленные домиками и дворами с курятниками, а слева – бескрайние степи, поросшие высоким ковылём. Я решительно шагнула с щербатого перрона. Тут же чуть не подвернула ногу – тропинка в зарослях лебеды на каблучки не была рассчитана. Даже вот на такие, удобные, в которых по офису и банкетным залам хоть целый день бегай.

Врала Коко Шанель, когда говорила, что «чем хуже у девушки дела, тем лучше она должна выглядеть». Исходя из обстоятельств, выглядела я на двести процентов, но зря. Впрочем, чего тут ждать? Я была единственным пассажиром, вышедшим из электрички в богом забытом месте под названием Маломишкино. Ни одного заинтересованного взгляда! Даже синюшно-алкоголичного! И чемоданы подать некому – глушь!

Я набрала в грудь воздуха, отвергла сантименты и зашагала по желтоватой дорожке, катя со скрипом, как брички по российскому бездорожью, мои идеальные чемоданы с ярлыками самых прекрасных аэропортов мира. Едва я дошла до просёлочного недоразумения, приноравливаясь к ухабам, мимо меня, взметнув пыль и рассеивая щебень, промчался чёрный внедорожник.

Я замахала рукой перед носом и чихнула. Мирно пасущиеся у близлежащей лужи гуси, загоготали, захлопали крыльями. Хулиганского Лэнд Крузера след простыл за кустами, и птицы угрожающе двинули на меня. Главный гусак серой масти распахнул крылья и вытянул шею. Здоровенный какой! А клювище! Разве гуси должны быть размером с телёнка?!

Я попятилась и угодила туфелькой в канаву с какой-то жижей. На обуви, не предназначенной для деревень, луж, встреч с гусями и прочими баранами, остался жирный след. О, Боже! Мои Маноло Бланик! Их в грязь?! Возмущённая до глубины души, я махнула воинственно на жоака сумочкой самых актуальных модных трендов сезона и рывкнула так, что гусь мигом стал короче шеей:

– А ну прочь, жертва духовки! Не то поджарю тебя сейчас же! И яблочек собирать не буду! Пшёл вон!

И пробормотала уже для себя: «Милена Рыжикова и гусям похлеще не сдаётся!»

А затем Милена Рыжикова, то есть я, направилась с двумя чемоданами прямо на стаю, решив, что лучше взять гусей

тараном, чем бесславно кувыркаться в сурепке и одуванчиках. Пернатые посторонились, понимая, что я не шучу, но продолжили гоготать. Ну и пусть! Я привыкла, что мне вслед гогочут – я девушка яркая, вызываю эмоции... почти всегда.

Грустная мысль подкралась вместе с мухой на нос. Я смахнула обеих и пошла вперёд, словно Суворов на Альпы, Наполеон на Италию и Македонский... куда бы его не носило.

Дорогу я приблизительно помнила, хоть и не была здесь лет десять, а может, и больше. Вихрастые дворняжки, сонные коровы и любопытные мошки последовали за мной. А на улицах ни души! Вымерли здесь все, что ли? Кроме этого нахала в чёрном джипе. Не ясно, откуда здесь вообще джип. Наверное, залётный.

Солнце припекало, несмотря на апрель. Я отёрла одноразовым платочком шею, промокнула лоб и подбородок, чтобы не размазать мейкап. И зачем я надела этот приталенный пиджак? Здесь некому оценить изящество линий!

* * *

Мимо заборов и заборчиков, кряжистых абрикос, невысоких акаций, задумчивых тополей и кустов малины, ежевики, шиповника и отцветшей сирени, местами сливающихся в сплошные, непролазные придонские джунгли, обвитые поверх диким виноградом, я доплелась до края деревни. Протопала, проваливаясь каблуками в землю, мимо утлой сто-

рожки возле путей. Не понимаю, что тут сторожить? Шпалы от гусей?

Во дворе под яблоней спал на лавке упитанный мужичок в расхристанной клетчатой рубашке, розовым пузом кверху, в приспущенных боевых трениках. С пятки свисал тапок. Из серии «а вдруг война, а я уставший».

Я свернула за кусты к оврагу. Скрип колёсиков на чемодане стал ещё пронзительней, словно они молили сжалиться и вернуть им приличные поверхности, для которых их и конструировали. Но нет, это вам не Английская набережная в Ницце и даже не улица Риволи в Париже перед роскошным зданием муниципалитета с неровной, заплеванной мостовой, окаймлённой плакатами в защиту геев... Мелькнуло воспоминание о французской столице прошлым летом. О Латинском квартале, шоколадном мороженом, холодном апельсиновом соке и круассанах на завтрак. Тьфу!

Я мотнула головой, отбрасывая к чертям собачьим всё ненужное. Прошное – в урну! Теперь только вперёд, лишь волосы назад! Живём настоящим, это экологически правильно и даже модно. И в моём настоящем, надеюсь, чемоданы не развалятся, прежде чем я доберусь до пункта назначения.

Зазвонил айфон. Это была Тома, сестра моего бывшего. Как всегда, не вовремя.

– Оу, Зайка, милая моя, дорогая девочка! – фальшиво зашебетала она, и я мигом представила её искусственно увели-

ченные губки, латте в кофейне на Тверской и чихуахуа под мышкой. – Я звоню узнать, как ты, что ты! Мы тут все в шоке от случившегося! Я никак не могу прийти в себя, что вы с Дэном... О, прости, мне трудно это произносить! – Она чуть не выдавила из трубки натужную слезу. – То, что вы не вместе! Как ты, Кисуля? Расскажи мне всё! Я готова выслушать, я тебе друг, милая!

Я улыбнулась так, словно стою на сцене Большого театра, а не возле туалета типа сортир прямо за покосившимся забором, заросшим бурьяном, и ответила бодро:

– Прекрасно, Томочка! Просто прекрасно! Спасибо, что беспокоишься!

«И что заботишься о том, какие сплетни потом по всей Москве разнести. И доложить ему!»

Она всегда так, я знаю. Но я умею держать лицо и поэтому улыбаюсь даже по телефону.

– Ты у родителей? Или в Москве? – затаила дух Томочка.

– Да нет, я устала от мегаполиса. Отдыхаю за городом, наслаждаюсь плэнэром! Тут такие виды! А воздух! Ммм, не передать! Не хочешь приехать? Тут чудо, как хорошо!

Я окинула взглядом тмутаракань с сорняками и камышом по ту сторону от железнодорожной насыпи, потом повернулась обратно, пряча глаза от солнца, и с удивлением обнаружила на холме прямо по курсу над дощатым сортиром замок. Настоящий, каменный с четырьмя башнями и фигурной кладкой, практически как на Луаре.

Я даже глаза протёрла: замок? Здесь?! Чудны дела твои, Господи!

— Ну, я рада за тебя, Милочка! — расстроено произнесла Тома. — Ты только держись, ты сможешь, я в тебя верю! Не теряйся!

И поспешно отбила звонок.

Угу, — кивнула я сама себе, — уж я-то точно буду держать-ся! Хотя бы назло вам всем, и то стоит!

* * *

Протелепавшись ещё немного по тропинкам между холмами, кустами, по балке и через овраг, я, наконец, увидела его — дом по адресу: Почтовая, двенадцать. Хотя ни почты, ни соседних домов, ни другой улицы поблизости не наблюдалось.

Я обрадовалась и скривилась одновременно: моим бесконечным скитаниям наступил конец — это хорошо; однако недвижимость, которая теперь принадлежала мне, вызывала скрежет в клапанах сердца, жалость к себе и духоту в селезёнке. После Хилтона и Рэдиссона, после квартиры на Патриарших, после всего... я должна жить здесь?!

Ком в горле пришлось сглотнуть, решительно вдохнуть и выдохнуть, набравшись вместе с воздухом аллергичной пылицы родного края.

Нет, нытьё к чертям собачьим!

Пусть вот эта... — в голове, как в компьютерном банке данных, судорожно подыскивалось подходящее слово, и я радостно кивнула, обнаружив нужное, — эта халупа совсем не евро, и даже на четверть звезды не тянет, зато эта халупа МОЯ! Исключительно моя и ничья больше! И пусть мне кто-нибудь скажет хоть слово или попробует приказать! И выставить меня отсюда не получится!

Я с трудом сняла засов с крючка калитки, просунув руку между прутьями, толкнула покосившуюся деревянную конструкцию коленом, обтянутым фирменной тканью юбки от Мадемуазель Шанель. Застряла колёсиками обоих чемоданов в высокой траве, выругалась от души и попинала всё, что только можно, забыв что мистер Маноло Бланик туфли не для этого делал, но всё-таки протолкнулась с настойчивостью бегемота во двор. Это мой двор! Аллилуйя!!!

Я оставила чемоданы у крыльца и с волнением в сердце поднялась по двум скрипучим ступенькам, поднесла ключ к амбарному замку на облупленной двери и вошла в древний, пропитанный сыростью и запахом старья саманный дом. Это единственное, что осталось у меня в этом мире, не считая набитых под завязку страшно фирменными нарядами страшно фирменных чемоданов и меня самой. А это между прочим — ого-го сколько!

Ну да, мой жених оказался сволочью, изменив мне с другой за месяц до свадьбы. Вспомнив об этом, я чуть не закрежетала зубами. Да, я опозорилась, и новую работу в сто-

лицах мне предложат не скоро. К тому же прокололась я так, что вообще лучше быть от Москвы подальше... Увы, вместо того, чтобы покорять рестораны со звёздами Мишлен, мне придётся завоевывать деревню Маломишкино. Но кто не падал, тот не вставал. А кто не вставал, тот ничего не стоит.

А я встану! Разбужу это сонное царство! А все, кто не оценил, будут кусать локти! Готова поклясться моей сумочкой от Диор!

Я взглянула на замок на горе и подумала: мне туда!

Глава 2

Плох тот завоеватель, кто отправляясь в битву, не подготовит тыл. Плох тот event-менеджер¹, который возьмётся за дело, не составив план. То есть я. И хоть последние события доказали, что я совсем не супер профессионал, навыки с гусями не пропьёшь.

Я сбросила обгаженные местной грязью туфли и выудила из моего гигантского чемодана кроссовки. Стараясь ничего не касаться, переоделась в джинсы и футболку. Полуденное солнце жарило совершенно неприлично – кажется, ему никто не объяснил, что на улице апрель, а Маломишкино – отнюдь не Сочи. Оставив посещение замка и знакомство с владельцем в приложении телефона и в умных часах под пометкой «Важно», я принялась осматривать свои владения.

В доме пахло сыростью, подгнившим деревом и мелом, что не удивительно при тысячу лет назад выбеленном потолке и стенах с россыпью трещинок возле маленьких, узких окошек. Древний платяной шкаф с царапиной через всю дверцу, металлическая кровать «прощай девственность», накрытая шерстяным одеялом. Практически антикварные этажерки с засохшим фикусом, пожелтевшими газетами, клубком пряжи и спицами. Деревянные рамы, покрытые об-

---

¹ Организатор мероприятий

лупленной синей краской, грязное стекло, как зеница дракона в мир, и махровая паутина на углах.

Я отбросила чувство подступающей тоски утверждением: да это же сплошной винтаж и этника! Историческая оригинальность! Это можно как-нибудь использовать?

Мои шаги сопровождали поскрипывающие половицы от сеней до центра дома – тут никому не удастся войти неслышно, проскрипит целый марш! Будем считать это разновидностью сигнализации. Тоже плюс. Но по хорошему, надо бы нанять машину и вывезти всё на свалку. Вместе с домом. Однако, новый я пока построить не могу.

Я почувствовала себя участницей фантастического шоу с машиной времени: переступила порог и, пожалуйста, я – в средневековье. Всё так странно! В этой лачуге не было даже такого необходимого бытового райдера², как кофеварка. Я уже молчу про то, что из краника с водой ничего не потекло, зато на меня красноречиво вытаращились старые алюминиевые вёдра, намекая, что обычного мастхэв³, типа водопровод, в моём доме не имеется.

Я выглянула во двор в поиске намёка на трубы и обнаружила обмотанный полиэтиленом и какими-то тряпками торчащий из травы столбик с синим краном. Хм... Это то, что я думаю? Может, мне ещё и коромыслом обзавестись?

Я представила себя в платье от Прада с коромыслом на

---

² Условие или требование, предъявляемое организаторам

³ Современный слэнг, от английского must have – обязаны иметь

плечах и рассмеялась. Взгляд упал на метлу, прикорнувшую в углу. Ага, вот и «Нимбус 2000» – привет Гарри Поттеру. Теперь понятно, как баба Тося обходилась без гаджетов, старый гробина-телевизор в большой комнате не в счёт. Он тоже из разряда легенд и мифов.

Стоило повернуть синий кран в лопухах, как меня щедро обдало водой. Еле успела отскочить с громким взвизгом.

– А ты кто такая будешь? Чего в чужой двор влезла? – послышался звонкий голос.

Отряхиваясь от брызг, я подняла глаза и обнаружила любопытную мордашу мальчишки лет десяти, перевесившегося через колья забора. Сельский абориген был краснощёк, вихраст и замызган.

– Не в чужой, а в свой, – заявила я и осторожно перекрыла воду.

– Бабки Тосина внучка, чтоль?

– Двоюродная внучатая племянница.

– Седьмая вода на киселе, короче.

– Ты-то сам кто, кисель? Я Милена Рыжикова, и дом достался мне по наследству, так что я здесь новая хозяйка, – усмехнулась я, понимая, что надо налаживать контакты и выуживать данные, иначе я так и буду себя здесь чувствовать, как попаданка в мир драконов.

– Я Ванька Лопушенко. Мы через две улицы живём, в кирпичном доме с зелёной крышей, – абориген махнул рукой и продолжил рассматривать меня с любопытством. – А ты от-

куда?

– Взрослым надо говорить «вы».

– Ага. Ну так ты откуда? Говорят, все бабки Тосины родичи на острова за границу уехали. Ты с островов? С Таити или с Гавайев?

Я удивилась: тут в курсе, что моя мама с сестрой решили жить красиво и отправились покорять Тайланд, сдав нашу квартиру на неопределённый срок? Они даже меня в известность не поставили, а в деревне знают. Хорошо налажена разведка в Маломишкино!

На самом деле, вчера меня постиг шок, когда я позвонила в дверь родной квартиры, и мне открыл здоровенный кавказец в трусах. Это потом мама по Скайпу сказала, что я была занята и наверняка была бы против, и вообще готовилась к свадьбе, поэтому они не стали меня волновать.

«Ну, если на Луну соберётесь, хотя бы сообщение в ВотсАпе киньте, обещаю не волноваться», – буркнула я.

«Тебе всё равно некогда! У тебя своя жизнь, а мы со Светочкой должны устраивать свою», – обиженно парировала мама.

Мама, такая мама, спонтанная, легкомысленная и капризная, как ребёнок, когда ей это выгодно. Мама каким-то чудом всегда оказывалась с краю при любых проблемах. «Я переживаю!» – говорила она и была занята этим видом деятельности круглые сутки, когда надо было что-то делать. Или «Я не хотела тебя волновать», – когда её тянет учудить что-

нибудь. Зато я рано стала самостоятельной, меня выпихивали на все конкурсы красоты, а потом я уехала в столицу. Во всем есть свои плюсы!

Переночевать мне пришлось у её подруги, которая по маминой просьбе выдала мне ключ от дома в деревне и адрес нотариуса. Почему баба Тося, которую я видела в последний раз на мамином юбилее в ресторане пять лет назад, оставила всё мне, не понятно. Неужели только потому, что мы всегда весело шутили с ней, сморщенной, но боевой бабушкой, встречаясь изредка по большим семейным праздникам, или потому, что я оплачивала пару раз ей такси из города до этого самого Маломишкино? Тоже мне заслуга! Однако детей у бабы Тоси не было и по каким-то своим мотивам она выбрала меня.

Естественно, в этом я признаваться не стану первому встречному мальчишке. Я просто сказала ему:

– Смешной.

– Это ты смешная. Колонкой пользоваться не умеешь. А что у тебя на руке?

– Смарт вотч. Умные часы.

– Ой... – округлились глаза у мальчишки. – Дай поносить.

– Это вряд ли. Но поиграть кое-что дам, если расскажешь мне, что к чему в вашем Маломишкино. Это чей замок?

– Да олигарха Гродского.

– Оу, олигарха? – я прикусила губу и сощурилась с повышенным интересом: при поиске клиентов любой ивент-ме-

неджер обязан собрать информацию. А мне клиенты нужны! Я же должна как-то зарабатывать! Не гусей же пасти и кошек доить, тем более, что я в сельхозработах абсолютный ламер! А у олигархов наверняка бывают дни рождения, праздники, свадьбы, встречи... – И что ты про него знаешь?

– Да он странный! По утрам бегают. Говорят, в замке привидения завёл специально: из Англии привёз. Ни с кем не знается нормально, олигарх же! У него завод есть и самолёт.

– Какой самолёт? – удивилась я.

– Да вона! – ткнул мальчишка пальцем в небо.

Над нашими головами в сторону степей проплывал лёгкий белый спортивный самолёт с характерным гулом.

– И что же, сам летает? – спросила я, а в моей голове уже складывались проекты с воздушным шоу, цветными красками в воздухе «С Днем рождения!» или праздником холи на индийский манер. Вспомнилось, как я участвовала в организации корпоративного ивента фирмы «Джет Флэш», предлагающей жителям ви-ай-пи-мира аренду самолётов – вот там был размах! И сейчас захотелось потереть ручки: как бы зацепить клиента?

– Сам летает, – кивнул пацан. – Как пилот. Мамка говорит, Гродский всю деревню хочет выкупить и быть типа помещиком, но кто ж ему даст?

– Ничего себе, какие феодальные планы! – присвистнула я. – Олигарх, наверное, старый, с семьёй, женой, пятью детьми?

– Неа, один живёт, как бобыль. Но старый, лет тридцать пять где-то. А моя сеструха старшая устроилась к нему горничной, только говорит, что он ни на кого не смотрит – люди, мол, для него, как мебель. – Мальчишка засмеялся, обнажив крупные неровные зубы. – И она, дурочка, обижается! Папка смеялся, что наши девки попервой марафон устроили: кто олигарха захомутает да тока все мимо. Ты тоже пойдёшь ему глазки строить?

– Вот ещё! – хмыкнула я и передёрнула плечами. – Лучше расскажи мне, как тут включить свет, газ и воду, чтобы всё нормально работало. И где у вас магазин?

Мальчишка кивнул, с радостью почувствовав себя важным, а я поняла, что он действительно ценный актив. Человеческие ресурсы надо уметь правильно задействовать – от них зависит успех любого мероприятия! Проводя нового знакомого в дом, я взглянула на гору прямо над моим двором и на сам замок, построенный по всем европейским канонам. А дело-то всё интереснее и интереснее!

Тридцать пять лет. Олигарх, холостяк. Завод, самолёт, замок. Как говорится, мой любимый цвет, мой любимый размер. Даже если не любит праздники, научим любить!

Глава 3

Разобравшись, что к чему в собственном доме с помощью сообразительного Ивана и одарив его сверкающим спитером, я почувствовала себя испанским конкистадором, задобрившим индейца бусами. Борьба с пауками по углам вигвама была отложена во имя восполнения моей личной казны.

О, счастье, 3G тут ловил! Подозреваю, что благодаря владельцу замка и какой-нибудь особой вышке во владениях несостоявшегося феодала. Снова плюс!

Я зарылась в интернет в поисках данных по господину Гродскому. Увы, он оказался тёмной лошадкой: ни фото, ни подробной информации. В Форбсе ни слова! Даже неприлично.

Но я была упряма. Обнаружила некоего Гродского, открывшего фабрику дронов в Ростове по примеру продвинутой китайской компании. Статья была без фотографии, указания возраста и личных данных, зато я узнала: тот Гродский читал страшно умные лекции в Сколково про аэродинамику и участвовал в конференции по робототехнике. Он ли? По части воздуха сходится.

Я выискивала самые мелкие кусочки информации, потому что крупной про миллионера и олигарха с такой фамилией в ростовской области не имелось. Ух, какие мы скрытные!

В Википедии нашёлся выдающийся инженер паровых

турбин, химик, исследователь, пара актёров в Гугле, профессор, экономист и шеф канцелярии президента Восточноевропейской страны. Чёрт, какой же мой? Покойников и последнего я с лёгким сердцем вычеркнула – вряд ли сосед сбежал в Маломишкино аж из Польши – на работу далековато летать! Потомок изобретателя паровых турбин? Почему бы и нет? Сын голливудской звезды? Как вариант...

Вообще разглядывая Гродских, я поняла: это фамилия, стимулирующая интеллект. Не обнаружилось ни одного алкоголика и орангутанга даже в соцсетях, все мужчины под фамилией Гродский были с высокими лбами, вплоть до лысины, многие с бородами и видом «Я самый умный, я очки надел».

Сосед, видимо, тоже такой. Мне представился ботаник с бородой – копия вот этого профессора, только помоложе. Эдакий тощий, одичавший Марк Цукерберг⁴ в джинсах, заправленных в резиновые сапоги, – в дождь в этой деревне без них никак не обойтись.

Я заколола волосы. Макияж поправила, чуть его сбавив – слишком яркие дамы ботаников пугают. Достала из чемодана бежевый костюм с намёком на строгость, но с деликатным вырезом, показывающим красивую шею и подчёркивающим взволнованно вздымающуюся грудь. Умные часы поправила на запястье так, чтобы их было видно, как признак для своих: я тоже умная, и тоже бегаю по утрам. Да-да, и шагомер

---

⁴ Создатель Фейсбука

включится в самый нужный момент. Очевидно, что нужен баланс сексуальности и скромности: чтобы взгляд приклеился, но без высокомерного презрения к тому, что я блондинка и не умею рассчитать траекторию полёта.

Кстати, о ней! Стоит ознакомиться и с аэродинамикой хоть немного, – клиентов надо удивлять, особенно если они мужчины!

Поморгав на «закономерности движения воздуха, газов и других тел» в планшете, я выдохнула и полезла в юридические лица и данные налоговой. Это мне ближе. Нашла зарегистрированную на имя Гродского компанию. Да, я дотошна – чтобы подцепить клиента на крючок, требуется хорошо выполнить «домашнюю работу». Олигархи ведь бывают разными: к одному не подступишь без «рабочего» флирта, другой без пометки ви-ай-пи и кофейку не попьёт, третьему подавай рок-н-ролл и пивной разлив в лунную ночь, четвёртому – Ибицу в Подмоскovie. Так что нужно было выбрать правильный подход.

Мне вспомнился последний опыт, и я передёрнула плечами, – то был не провал, а позорище и стыд! А всё мой бывший жених Дэн виноват – выбил почву у меня из-под ног!

Отвратительная картина на чёрных шёлковых простынях, мной купленных, ещё долго будет стоять у меня перед глазами. Надеюсь, как и у него – вмятина в крыше его любимого Астон Мартина, сделанная тяжелой подарочной бутылкой его любимого виски, которую я же принесла и вме-

сто того, чтобы вручить, прицельно сбросила с третьего этажа. А ценные бейсбольные карточки с автографами звёзд наверняка не просохнут после купания в унитазе... Даже не представляю, как я их туда все сгрузила. И ключи от машины. У меня просто ум за разум зашёл, я ведь пришла домой с примерки свадебного платья, такая счастливая! Дэну галстук купила...

Уже потом, в первой попавшейся гостинице, куда я переехала, не медля, наступил откат: мне просто нечем стало дышать. И думать. Пустота. Я попросила отпуск, но директриса нашего агентства слышать ничего не хотела.

– Твои личные драмы никого не касаются! – заявила Аглая Петровна, имитируя Мерил Стрип в белом кожаном кресле причёской и томным голосом истинной стервы⁵. – Нас всех бросали и мы бросали – это жизнь! А бизнес есть бизнес. Иди работай и поправь макияж. Представитель от компании Нефть-Пром-Сибирь вот-вот заявится. Все остальные менеджеры заняты: Катерина на Мальдивах, Соня в Сочи, Влад и Гена устраивают правительственную конференцию, Костик занят гала-ужином в Барвихе, Снежана рождает. А я через час улетаю на Бали – день рождения дочери за меня никто не организует!

И весь разговор.

Конечно же, я вышла из её кабинета и привела себя в порядок. Надела на лицо улыбку и встретила клиента в свер-

---

⁵ Намек на фильм «Дьявол носит Прада»

кающем роскошью холле нашего ивент-агентства, угостила его кофе и коньяком. Набросала в блокнот требования и то, что им нужно «самое модное», «самое, самое, что сейчас в инстаграме и на слуху». Только это в голове и осталось. И придумать ничего нового я не могла.

Потому я достала черновики с предыдущего ивента и, как робот в тумане, созванивалась, ездила, договаривалась по проторенной дорожке, помня, что жена миллиардера Барковича была счастлива и довольна. Ей тоже нужно было оно – то «самое, самое». Ну а что сейчас в тренде? Правильно! ЗОЖ, йога, #здесьсейчас, смузи из сельдерея...

* * *

Увы, нефтяники овощных котлеток не оценили. И нежнейших рулетиков из свежего кабачка, фаршированного сливочным сыром с каплей тыквенного масла. И изящно поданных конвертов Ганди с грушей в кляре с рукколой...

– Мясо где?! – яростно рычал на меня бородатый и коренастый добытчик чёрного золота.

Я быстро заморгала, очнувшись только сейчас от сна обманутой невесты. Рык заказчика гремел в голове, и там же отозвалось: я не Жизель, мне от любви умирать нельзя!

Надо было что-то делать!

– Блюда приготовлены лучшим шеф-поваром лучшего ресторана Москвы, как вы просили, – забормотала я, понимая,

что при слове «вегетарианский» шашлыком придётся стать лично мне. Причём желательно станцевать стриптиз на столе олигарха, а затем красиво самоубиться.

– Сама жарить будешь! – проорал нефтяник и плеснул в меня бокалом с витаминным коктейлем так, что я еле отскочила, спасая белый костюм от Ральф Лорен: – И пить что прикажешь? Сопли эти зелёные?! Они петрушкой воняют!

– Это тренд... – сглотнула я, – классика в новом исполнении... Почти вино из одуванчика... Безалкогольное... Вы просили модное...

«Я же правда старалась! Из последних сил!» – пронеслось в моём опухшем от слёз мозгу.

Фонтаны из натуральных соков, выступления йогов на сцене под музыку Нью-Эйдж и гирлянды роз ни у кого восторга не вызывали. Мимо меня по огромному залу, похожему на сверкающую эльфийскую сказку, нефтяники тащили из бара к столам водку и виски.

– Одуванчика?! У тебя мозги где?! Что это вообще?! Что за вздор?! – в переводе с нецензурного вопил заказчик, похожий на дрессированного медведя в костюме за две тысячи баксов.

Я переступила с ноги на ногу и, судорожно думая, что делать, проговорила:

– Пойдите! Пойдите! Что вам не нравится? Давайте обсудим, вечер только начался, мы всё исправим!

Нефтяник обжёг меня взглядом и ткнул татуированным

пальцем в эльфийски прекрасный зал с фонтанами манго-косового коктейля:

– Это исправить невозможно! Мои партнёры решат, что я гей!

– Нет, что вы! Совсем не похожи...

В ответ нефтяник поплевался такими выражениями, которые употребляют, пожалуй, только на Колыме и в магаданских коях, и припечатал худшим, что могло быть на свете:

– За такое позорище я не заплачу! Этот банкет, Барби крашенная, будет за твой счёт! Уж я прослежу! Выплатишь! Отработаешь! До копейки! Сама!

– Но... я...

Мой костюм от Ральф Лорен вздыбился вместе с моими волосами от осознания: если нефтяник не заплатит, а наше агентство «VIP-event» уже перечислило всем поставщикам за меню, цветы, шоу, артистам, кейтерингу и устроителям фейерверка, мне за всё это не расплатиться!

– Я звоню твоему директору! Ша!

Сибирский нефтедобытчик со звериным рёвом, на который ни один гей не способен, сунул мне в руку бокал с остатками коктейля и художественно завитым стебельком душистого горошка по краю. Развернулся ко мне спиной и достал телефон, показывая, что пощады не будет.

Мне вспомнились счета, бюджет, поджатые губы директрисы и заблокированная Дэном кредитка. Я же и так почти банкрот. За малым...

«Бежать! – подумала я в панике. – Бежать! Репутацию уже не спасти! Остаётся только бежать!»

И я рванула из зала к выходу. Столкнулась с высоким мужчиной, споткнулась. Он поймал меня сильными руками, удержал в вертикальном положении, не позволив расквасить на прощание нос. Резко запахло сельдереем. Перед моими глазами на манжетах незнакомца, моих туфлях и светлой ковровой дорожке расцвели зелёные пятна. О нет, я расплескала коктейль, который по-прежнему был в моих руках!

Я отдёрнула руку с бокалом назад. Жидкость выплеснулась ещё сильнее – душистый горошек зацепился усиками за пуговицу чужого пиджака. По серой ткани, брюкам и моей юбке поползли коварные растительные потёки. Я простонала: ещё и за костюм расплачиваться заставят!

Но мужчина забрал у меня стакан и сказал с усмешкой:

– О, да кто-то перебрал сельдерея! Спокойно, больше не надо фонтанов.

Я вскинула ресницы. Тёплые карие глаза смеялись. Губы нет. Серьёзен, красив, бородат, уверен.

– Сейчас почистимся. Тут наверняка есть туалетная комната. Место приличное, – он глянул мне за спину и кашлянул. – Кхм, вроде не феи должны гулять, если я не ошибся адресом. А вы не в курсе, что тут происходит? Необычная вакханалия...

«И он туда же! Издевается! Всех вас ненавижу!» – в гневе и отчаянии подумала я.

Сзади опять послышался мат заказчика.

– Не ваше дело! Идите к чёрту! – в истерике рывкнула я и, оттолкнув незнакомца, бросилась прочь, чуть не теряя туфли и вцепившись руками в клатч.

Бежать! От позора, от долгов, от мужчин! К чертям собачьим! В Ростов! К маме!

Правда, оказалось ещё дальше – в Маломишкино.

* * *

Я перевела дух и выгнула стакан холодной воды. Мне тот кошмар ещё долго будет сниться. А директриса станет искать. Она не из тех, кто прощает ошибки и списывает долги. И криминального типа нефтяник. Ох...

Нет, однозначно Маломишкино – моё спасение, далеко от Москвы, Сибири, нефтяных магнатов и знакомых лиц. Пересажу. Выкручусь. Всегда выкручивалась. Сама.

С громким выдохом я встала, одёрнула красивый костюм и улыбнулась себе в пыльное зеркало. Всё! Забыли про неудачи, провалы, начинается новая жизнь с чистого листа. Больше я таких ошибок не допущу. К Гродскому зайду по-соседски, но с деловым предложением. Он ездил в Англию, там так делают. Кстати, у меня как раз английский костюм.

Тайминг оказался верным: в момент, когда я вышла из моего фигама, спортивный самолёт прогудел в обратную сторону. Махнул приветственно белым крылом, словно приглашал.

Я иду, бегу, товарищ Гродский, мой будущий клиент!

Проваливаясь каблуками в грунт, чувствуя себя леди, которой трудно отказать, потому что отказать вообще нельзя, я взобралась по рыжим пятнышкам подобия ступенек между кудрявых трав вверх по оврагу. Прижимая к боку блокнот, прошагала мимо каменной кладки крепостных стен, горюющих об основательности будущего феодала.

Перед кованными воротами сердце учащённо забилося, как перед выходом на сцену. Я поправила пиджак, воззвала к мисс Удаче, поискала глазами домофон или звонок. Не нашла. Глянула меж чёрных решёток во двор. Интересно, у товарища Гродского тут швейцар, привратник, телохранители или автоматика? Дунул ветер, калитка со скрипом распахнулась. Да это судьба!

Я шагнула во двор с улыбкой и заготовленным приветствием. Никого. Даже собаки. Замок был очень внушительным – настоящая крепость с бойницами. Флюгеры над мощными, круглыми башнями, стрельчатые окна, арочные своды. А на земле грешной просто площадка, травка, одуванчи-

ки, какой-то металлический хлам. Дрон? Хм...

Нос моей туфли запутался в зелени. Я наклонилась, оторвала мешающие длинные усики чего-то выющего. Может, горошка. Вдалеке закудахтали куры и послышался чей-то голос. О, точно, товарищ Гродский ведь только что прилетел. По мощёной плиткой дорожке я обогнула красную кирпичную стену маломишкинского замка, сжала зелёную выюшку и блокнот в руках.

Я спокойна! Я приветлива и спокойна. Оmmm.

За замком высились постройки, как у натурального феодала. Однако от одной из них вела в поля качественно асфальтированная дорога.

Это же взлётная полоса! – догадалась я. – И ангар для самолёта. Наш клиент там.

Я вспомнила об осанке. С улыбкой приблизилась к распахнутым воротам. Шагнула навстречу металлическому лязгу. Первым делом увидела частный самолёт, который оказался гораздо больше вблизи. За белоснежным крылом, перед открытой кабинкой стоял ко мне спиной высокий темноволосый мужчина в куртке и джинсах.

– Добрый день! – звонко сказала я, готовясь к приветственной речи лучшей в мире соседки и очень полезного человека.

Мужчина обернулся, снимая солнечные очки типа «пилот», и речь застряла у меня в зубах. Это был тот самый! Кого я облила сельдереевым смузи! Но без пиджака.

В глазах приятно бородатого незнакомца мелькнуло удивление.

– Здрассьте, – произнёс он не очень дружелюбно, глянул на плеть горошка в моих руках и добавил: – Феи сельдерей наступают? Думаете, «к чёрту» – это здесь или пришли пиджак почистить?

Мда, это не судьба, это карма.

Но делать было нечего, и я улыбнулась.

– А у меня есть пятновыводитель!

Глава 4

– У меня пятновыводитель есть! – воскликнула я.

Сияя фальшивой улыбкой, я сделала ещё несколько шагов к мужчине, несмотря на то, что хотелось втянуть голову в плечи и сбежать подальше, как напрудивший в ботинки кот.

По правде говоря, я растерялась, ведь при свете дня мой сосед мало того что не был похож на сутулого, очкастого ботаника, он был молод, спортивен и... хм, красив. Не слащавой красотой моделей из Инстаграма, которые демонстрируют себя в одних шортиках и, поигрывая бицепсами и голыми торсами, зарабатывают на рекламе. Товарищ, даже не подумавший шагнуть мне навстречу от самолёта, вызывал робость в бёдрах редкой смесью IQ и брутальной привлекательности, в которую входила ширина плеч, посадка головы и, как ни странно, борода.

Честно говоря, я вообще не любитель растительности на мужском лице, но этому экземпляру короткая борода очень шла. Она словно прибавляла маскулинности, подчёркивала правильность черт, мужественность скул и упрямство квадратного подбородка, цвет розовых, четко очерченных губ, линию ровного носа. Виски его были коротко подстрижены, прямо над высоким лбом мужчины была зачесана назад более длинная прядь – очень стильно. Вот только взгляд из-под тёмных бровей мне совсем не понравился. Уверенность

и сарказм в карих глазах можно было бы и прикрутить.

– Спасибо, обойдусь, – заявил товарищ у самолёта. – Сам справился. Что-то ещё?

Я замялась, сбитая с ног такой насмешкой судьбы, но бежать дальше Маломишкино всё равно было некуда и не на что, и внутренний голос напомнил, что мне нужен клиент.

– Да! Я хотела познакомиться, – ответила я, стараясь помнить о светлых идеалах феминисток, на которых мужская brutality не действует. Собственно с момента измены Дэна я сердцем и телом зачислила себя в их ряды. Однако потребность в деньгах заставила меня сексапильно повести плечами, как бы невзначай переключая внимание мужчины на декольте. Это всегда срабатывает. – Наша прошлая встреча вышла неловкой, давайте забудем тот нелепый случай, ведь волею судеб теперь я ваша соседка – недвижимость досталась по наследству, на Почтовой, двенадцать.

– Вот как! – снизошел до кивка он. – Познакомиться? Ладно. Гродский. Владимир.

«Бинго, это он! Владелец завода по производству дробов!» – возликовала я и мысленно потёрла ручки.

Но он добавил:

– Если на этом всё, то всех благ, я занят. Выход там же, где вход.

«Вот грубиян!» – возмутилась я, но виду не подала. Когда я подрабатывала в магазине сотовой связи ещё будучи студенткой, встречались мне и не такие хамы. Потом у меня

самые дорогие смартфоны покупали.

– Как раз о входе... – произнесла я и снова чуть повела плечиком, возвращая внимание собеседника к декольте, жалея, что он не ботан, те краснеют и быстро сдаются. – Я у вас во дворе заметила дрон, плюс ваша любовь к самолётам, – я как можно изящнее указала пальчиком на белый хвост, – видела, как вы летаете. Очень профессионально! И знаете, всё это навело меня на мысль, – так, совершенно случайно, масштабность мышления никуда не денешь, ведь я специалист по ивентам любого размаха и уровня, – что через десять дней 12 апреля – Всемирный день авиации и космонавтики! Такой замечательный праздник для всех, кто не равнодушен к небесам! – Я с почти натуральным восторгом глянула на пронзительно синюю полосу неба за моим плечом и вернулась взглядом к раздражающе хладнокровному Гродскому. – Вы понимаете, о чём я?

– О любви. К небесам, – ответил этот сухарь.

От этой презрительной кривизны красивых губ я почувствовала себя членом секты, продающей душеспасительные книжки и средства для мытья посуды. Но не сдалась.

– Именно! – улыбнулась я. – Небо не любить невозможно! Подумалось, что я удачно оказалась здесь в начале апреля и, раз мы с вами соседи и уже знакомы, я могла бы потратить свой собственный отпуск на такой исключительный ивент. Спросите, зачем это вам? Я расскажу! Это могло бы повысить ваш рейтинг у местного населения, привлечь внимание

и провести беспрецедентное мероприятие, которое принесёт вам лично много радости и пользы, ведь согласитесь, радость жизни в наших руках, так же, как и имидж! Это окупается сторицей!

Гродский чуть склонил голову, скрестил на груди руки и ничего не сказал, будто ожидая продолжения. Я добавила:

– Мне так и представилось: воздушное шоу днём, свежий воздух, запах трав, угощения, а с закатом в воздух можно поднимать дроны. Как в Китае на Новый год вместо фейерверка или на ВДНХ. На Олимпийских играх вы тоже могли подобное видеть. Это очень зрелищно! – Заметив внимание в его глазах, я воодушевилась и вскинула руки: – Вон там, к примеру, над склоном представьте: сотни квадрокоптеров кружатся в ночи под музыку, как гигантские светлячки. Вы видели балет сверкающих дронов на фоне горы Фудзи? Здесь будет ещё красивее! Совершенно незабываемо! Парение, воздушные потоки, чудеса аэродинамики! Ах, у меня даже мурашки по рукам... И потом с помощью соцсетей можно популяризировать этот праздник, сделать так, чтобы все каждый год ждали двенадцатое апреля, День авиации и космонавтики! Он станет массовым, и люди начнут съезжаться сюда из города, из столицы, окрестных посёлков! А это же туризм, рабочие места, народная любовь! По сути дела, вы станете популярны и уважаемы в этих местах, как сам Гагарин!

Я замолчала, довольная собой, с улыбкой опустила руки,

за которыми он внимательно следил. В глазах Гродского что-то зажглось.

Да-да, я учла его феодальные замашки – тот, кто выстроил подобный замок и хочет подгрести под себя всё остальное, на мой крючок обязательно клюнет. Все руководители бизнесов – немного доминанты. А доминанты предпочитают вассалов и народную любовь, если запугать не вышло. Этому явно пугать нечем. Ну?!

Сосед молчал.

Где-то вдалеке проблеяли бараны.

Пауза меня начала напрягать.

– Что вы на это скажете? – не выдержала я.

– И всё из-за одного дрона.

– Да, знаете ли, творческая мысль, она...

– Одного, – усмехнулся он. – Бракованного. По-вашему, дроны делением размножаются?

– Что? – опешила я.

Он повесил очки от солнца на рубашку и засунул руки в карманы. Лицо его стало непроницаемым.

– Понимаю, мисс, мадемуазель или как вас там, творческая мысль не предполагает знания арифметики. Как и прочих наук. К вашему сведению, чудеса аэродинамики – это если самолёт начнёт хвостом кверху взлетать. Остальное – это законы. Учебник физики, шестой класс.

– Но...

– А популярность мне нужна, как Гагарину мартышка.

Кстати, если здесь местные начнут угощаться днём, к вечеру трезвыми останутся одни бараны. Баранов впечатлять я не намерен.

Те снова заблеяли вдалеке, словно уже чем-то впечатлились.

Я опешила, возмущившись хамству, но быстро нашлась:

– Допустим. Я не местная, только приехала. Ньюансов не знаю.

– Угу, – он взглянул на меня так, словно припомнил вегетарианские котлетки для нефтяников.

– Можно устроить только ночной праздник, ведь космос – это ночь, звёзды! Ещё лучше – романтика! – продолжила я.

– На звёзды я предпочитаю смотреть в телескоп. Один.

«Хорошо, что я училась работе с возражениями», – мысленно фыркнула я, а вслух парировала:

– Смотреть одному на звёзды – это безусловно, прекрасно! Однако любому человеку имидж стоит поддерживать или улучшать. Мы живём в обществе, и в наше время, когда личность влияет на развитие бренда зачастую больше, чем качество...

– Плевать мне на имидж, – перебил меня Гродский и, взяв потрёпанный рюкзак с крыла самолёта, направился ко мне. Точнее, мимо. Поравнявшись, ещё раз сверху вниз глянул в моё декольте и добавил, словно прочитал это там:

– Массовость – ужасное слово. И толпы. Я ценю покой. И тишину. – Он поджал губы и указал кивком головы на за-

бор. – Калитку найдёте или помочь?

Я почувствовала, что закипаю. Кажется, ярость даже начала проступать красными пятнами у меня на щеках. По крайней мере, они горели.

Вот же гад! Меня никто никогда не выставлял! От Дэна я сама ушла, а вовсе не из-за его мерзкого «не нравится, выметайся».

Я ошпарила наглеца взглядом. Гродский язвительно улыбнулся.

– Жаль, что не задержитесь. Но ужинаю я тоже один. И сельдерей не люблю. Как и гостей, которых не приглашал.

– Это радует! С таким, как вы, за одним столом я бы непременно подавилась, – ответила я свысока, бурля от негодования.

Он хмыкнул.

– Ну, считайте, познакомились удачно. Желаю так же освоить недвижимость.

Натуральный мерзавец! Самоуверенный кретин! Мало я его облила!

Я вскинула голову, расправила плечи и заявила небрежно:

– А насчёт законов аэродинамики... Аэродинамическая сила воздействует на профиль крыла. Если угол атаки становится критическим, над поверхностью крыла образуются неупорядоченные турбулентные вихри, самолёт теряет управление и падает вниз. Так же случается и с руководителями, которым плевать на имидж. Удачи!

Гродский поражённо расширил глаза, а я развернулась и пошла к выходу. Чуть не запуталась в очередной травяной ловушке, чертыхнулась, высвободилась и ещё более гордо направилась к воротам. Захлопнула калитку со злостью и направилась к ведущим вниз проклятым ступенькам оврага. В голове крутилось:

«Не зря я смотрела в Ютубе аэродинамику для чайников. Или зря. Тьфу!»

Над степями разливался по небу жёлтый закат с красными прожилками, запахло свежестью и травяным чаем. Кочки вокруг меня стрекотали, шуршали, шевелились. Откуда-то издалека мчался по ту сторону от железнодорожного полотна чёрный конь. Вдалеке замычала корова, заблеяли козы. Или бараны... впечатлённые.

Мне на нос села муха и тут же улетела, видимо, обжегшись. Задрав выше колен юбку-карандаш, я фыркнула и начала спускаться к себе. Из моих ноздрей и ушей наверняка струился пар. Вон уже откуда-то потянуло палёным. Я была зла, очень зла!

Толпы он ненавидит! Покой ему подавай! Тишину...

Да я что угодно сделаю, чтобы тут тихо не было! Приглашу группы начинающих барабанщиков, конкурс рэпа организую, историческую инсталляцию с пушками и танками, устрою гонки байкеров по ночным степям! В конце концов, цыган позову пожить на моём участке с медведями!

Господин Гродский ещё не знает, что есть один простой

научный закон – злить женщин опасно! Особенно тех, кто в отчаянии!

Глава 5

Владимир

Она пару раз поскользнулась и, упс, один раз приложилась своим шикарным основанием о мягкий пучок травы. Встала, отряхнула задранную до идеальных бёдер юбку, вскинула руки, видимо проклиная меня, и с успехом достигла поросшего сорняками участка под горой. Потом влетела во двор, рванула ручку двери и скрылась в хибаре, которая стояла заброшенной уже некоторое время. Однако...

– И зачем ты девушку обидел? – спросил Кирилл, застав меня за актом подглядывания. – Красавица же! Такие натуральные, ничем незамутненные девяносто-шестьдесят-девяносто!

– И темперамента на 451 градус по Фаренгейту. – Я отошёл от окна и снисходительно усмехнулся: – И сюда добрались. Почему никто не присылает меня окучивать крокодилиц? Парадокс, не считаешь?

– Да у тебя мания величия, дружище! – расхохотался Кир и хлопнул меня по плечу.

Кирилл – мой друг со студенческих времён, а также владелец трёх процентов акций нашей компании. Ещё он дзен-гуру по совместительству, но не для меня, я – агностик, наука – моя религия.

Народ к Киру тянется. Глаза синие, с кучей секретов за

зрачками. Цепкий ум, улыбка заразительная и затаённая сила, которая чувствуется, несмотря на средний рост. Может говорить загадками и стоять на голове. Купится кто угодно!

Но я-то знаю, что Кир горазд поржать, поэкспериментировать со всем, что в голову не взбредёт нормальным людям, попытаться просветлиться, а потом построить биржевую пирамиду. В целом тот ещё пройдоха! Весьма ценный.

После учёбы Кир успел послужить в армии, раскрутить бизнес в Москве, закрыть его, когда стало скучно, свинтить из Москвы в горы, получить кучу сертификатов, вплоть до седьмого джедая денежного потока и истинного ниндзя камасутры. Он объехал половину земного шара и заявился ко мне пару лет назад в цветастом ватном халате, стоптанных кроссовках, линялой футболке и с передовой идеей мотора для квадрокоптера, которая посетила его во время медитации среди Гималаев. Это было то, что нужно! С тех пор мы и сотрудничаем, пока ему не попала под хвост новая шлея или не обрушилась на голову нирвана.

* * *

– Не ты ли мне советовал перебраться подальше от города после той череды странных случаев? – спросил я, сбрасывая куртку.

– Ты сам хотел на природу. Тут тебе стрекозы, бабочки – смотри, как над травой зависают, учись. И летаешь каждый

день на работу, а то ходил пешком, как дурак.

– Угу. Здесь хорошо, никто понятия не имеет, чем я занимаюсь, и даже не интересуется. До сего момента. Чёрт! Вычислили!

– Эй, нельзя же в каждой красотке видеть промышленную шпионку, – веселился Кир. – Так недолго до паранойи. Ты хочешь, как американский авиатор Говард Хьюз, запереться в замке и писать в бутылочки, чтобы никто до тебя не добрался?

– Паранойя – не мой конёк. Но вот такие, – я мотнул головой на окно, – просто так чайку попить в Маломишкино не заезжают. А если заезжают, то по-тихому, чтобы никто не знал про позор. Не то все чихуахуа засмеют. Соврать про наследство я тоже могу.

– Мой внутренний голос утверждает, что у тебя перебдел.

– Угу, а она явилась как раз в тот момент, когда мы заканчиваем работу над новинкой, чтобы взорвать рынок. Как сказал один их умник: «...будь, как невинная девушка – и противник откроет тебе дверь⁶». Между прочим, эта красotka сама дверь нашла. И будто случайно мне встретилась во второй раз. При первой встрече я подумал, просто модель, дурочка, как и все они. Представь, сельдереевым соком меня облила!

Кир рассмеялся, затем ответил:

---

⁶ Сунь Цзы, стратег и мыслитель, живший в VI веке до н. э., автор трактата «Искусство войны»

– Красота мозгами не облагается. Ты же не станешь требовать от цветка, чтобы он тебе произвёл анализ интегрированных систем?

– Да брось! Эта не просто цветок. Девушка, не спрашивая, чем я занимаюсь, стала втюхивать мне балет дронов. И до меня дошло: опять конкуренты хотят без мыла пролезть и сцапать технологии!

– Параноик. И всё-таки к моделям можно и нужно лучше относиться, – будто не услышал меня Кир. – Тоже цветы Вселенной.

– Да пусть цветут. Я не против.

– А тебе тут не одиноко? Как сычу в замке?

– Когда надо, устраиваю себе компанию, – буркнул я. – Мне достаточно.

– Ладно, – смирился друг, – пошли, чего покажу, завзятый холостяк! Упадёшь от того, как бесшумно пыхтит моя малышка.

– Удалось снизить уровень шумности двигателя? – обрадовался я, потирая от нетерпения руки.

– Естественно. Других малышей пока нет. Увы, никто не ударит секс-марафоном по силе мысли, хотя стоило бы! – рассмеялся друг.

А я почему-то подумал о «фее сельдеря». О двух выпуклостях в правильном треугольнике выреза. Очень призывных. И о точёных ножках. Нет, она безусловно хороша, но меня на мякине не проведёшь. Дело прежде всего. И, кстати,

она так и не назвала своего имени, что лишний раз доказывает...

Мы вышли из моего кабинета и направились в крыло, отданное полностью под лабораторию. Кир пальцем задел табличку на двери, та громко шлёпнулась о металлическое полотно. «Входить только умным», – прочитал друг вслух и хмыкнул:

– Так вот почему у тебя здесь больше всего пыли! Горничная не решается?

– Судя по выражению её лица, это меня она считает тупым. – Я придавил пальцем пластину для распознавания моего отпечатка. – Я просто сюда никого не впускаю. Доступ у тебя, пока ты здесь, у меня и у начальника охраны. Двери, как в банковском хранилище, взламывать бесполезно.

Кирилл расхохотался и вместе с моим котом, задравшим пушистый хвост трубой, шмыгнул внутрь за бронированную дверь.

Уже в моём святая святых, похожем на цех сборки космических кораблей, а по количеству мониторов – на пульт управления NASA, Кир взял на руки кота и покачал головой с хитростью китайского болванчика:

– Вот знаешь, брат, ты попухнешь на этом своём «Я самый умный». Можно даже на Таро не гадать.

Я парировал:

– Не гадай. Я верю только фактам.

– А в шерше ля фам⁷ не веришь? – подмигнул Кир.

– Верю. Во всех проблемах ищите женщин, – буркнул я. – А так как рынок дронов в настоящее время – это война, где все средства хороши, то я предпочитаю с дамами вести короткий разговор. Одна ночь и до свидания... – Мне снова представилась стройная красавица с ненатуральной улыбкой, очень натуральной грудью и обольстительным личиком в душистых белокурых локонах. Я решительно отбросил воспоминание и добавил: – Считай, что я призвал себя в армию.

Кир наморщил нос, словно считал мои мысли.

– Ты попухнешь, помяни моё слово.

* * *

Ровно в полночь на следующий день меня разбудил рок-н-ролл...

---

⁷ Ищите женщину (французская поговорка)

Глава 6

Милена

Если бы этого самодовольного нахала не было, его стоило бы придумать! После измены Дэна я чувствовала себя несчастной, после позора с нефтяниками – растерянной, после отъезда мамы – преданной. Я была не я, словно потерялась. Но когда достигаешь точки «Д»... – увы, не «Джи», а самого что ни на есть Дна, ничего не остаётся, кроме как колотить лапками и всплывать. Или сбить масло из всего безобразия, в которое врюхалась.

Я сплюнула яду в сорняки, заколола волосы, переделалась в то, что почти не жалко, и закатали рукава.

Йухуу, понеслось!

Лишь слегка облившись, я набрала вёдра из колонки, вспомнила старые добрые времена и вымыла пол. Подумаешь, нет горничной! Подумаешь, газ включить не удалось! Я решила, что чай вреден: в нём содержание кофеина выше чем, в кофе. Отравлюсь завтра. Зато я напилась экологически чистой воды громко и жадно, как полковая лошадь, наелась энергетических батончиков без глютенa, пустила в расход гигиенические салфетки для всех частей тела и антибактериальную жидкость. О, разве меня испугать отсутствием горячей воды? Я ездила в пустыню, когда была моделью!

Распахнув окна, я впустила в свой новый старый дом све-

жий воздух со степей, запах трав и отряд мошек. Ничего, ароматические пирамидки из индийской лавки и не таких выкуривали! Я вынесла на улицу пропахший мышами матрас. Сгрузила на него в кучу всё из дубового шифоньера, при виде которого у меня в голове сам собой звучал патефон и рассказ прабабушки о том, как трещину на шкафу оставили немцы во время отступления.

Прабабушка сбежала в поля, и им не досталась. Я, видимо пошла в неё духом и прытью. Неизвестно, был ли в моём роду Колобок, который от всех ушёл, или Монте-Кристо, но полагаю, что оба отметились, потому что энергия была ключом и хотелось мести.

Войска пылищи отступили под моим натиском. Вонь тоже. Побрызгав духами старые верблюжьи одеяла, я уложила их в три слоя на металлическую сетку, сверху пристроила коврик для йоги. Решив, что на отсыревших серых простынях спать не гигиенично, я вынесла их во двор. И тут кто-то проорал благим матом от калитки так, что я подскочила и наступила в железную миску. Поскользнулась, но удержалась, чудом не треснув себя по лбу дверью.

– Добры вечор!

В сумерках над забором белело лицо неизвестной пышнотелой дамы с укладкой и в куртке а ля девяностые. Я поздоровалась, осторожно присматриваясь.

– Ванька у вас енту штуку спёр? – Гостья задрала над серыми досками сверкающий спиннер. – На вылысапед при-

цыпив и гоняе. Та я отняла...

– Не волнуйтесь, спиннер я ему сама подарила, – ответила я. – Смышлёный мальчик, подсказал, что к чему.

Дама с волновым движением всем телом отворила калитку и переместилась во двор, словно желе из одной банки в другую. Грудь, живот всколыхнулись и мирно растеклись по местам под цветастым платьем. Выше «желе» улыбалось, и я ответила тем же:

– Вы, наверное, сестра Вани?

– Мать, – с придыханием и сбивающим наповал любопытством приблизилась она ко мне. – Надежда.

– Прекрасно выглядите! – почти не соврала я, понимая, что если с неё откинуть сорок кило, отдать в руки нормального стилиста и, конечно, снять эти калоши, Надежда-мать Ивана была бы красоткой. – Я Мила.

Гостыя протянула мне спиннер и покачала головой:

– Выщца дорогая, прынять не можем. Отдарить нечем.

Я отодвинула её руку с игрушкой:

– Да что вы! Ерунда ведь! Только мальчишкам и играть.

– Та ну... Ой да? Ну да ладно, спасибочки. А чыго ж к нам? – разглядывая меня от маникюра до бровей, спросила Надежда. – От мужика своего сбежала? Или прячешь кого? – И потянула нос к светлой щелке за дверью и косому крыльцу.

– Наследство получила, – ответила я, не показывая, что удивлена.

– Та ладно! Баб Тося давно ж помёрла, думали чи прода-

вать будут, чи посёлку хата отойдёт за ненадобностью... А тут нате, гости.

– А вы купить хотите? – улыбнулась я, сожалея об оглобле, – терпеть не могу, когда лезут с расспросами.

– Та не, я шо? Вона Чупа-Чупс, тот может.

– Кто?! Чупа-Чупс? – опешила я.

– Ну, Мессершмитт, Бабовоз...

Я моргнула. Желейная Надежда всплеснула руками в нетерпении и тут смекнула:

– Ну да ж, ты не местная! Барын в общем! Гродский, – она мотнула головой на замок. – Вроде скупает.

– Подавится, – совсем ласково улыбнулась я, с восторгом перебирая в голове услышанные прозвища. Какой простор народного творчества!

В глазах желейной дамы возникло понимание, словно она узнала в инопланетянке вдруг «свою».

– Ой как! Уже познакомились с Чупа-Чупсом?

– Успели, – поджала я губы. – А почему Чупа-Чупс?

Надежда поморщилась и приглушила голос заговорщически, оглядываясь на замок:

– Больно умный. Доча там горничной, ага. Так говорит, Мессершмитт себе цены не сложит! На коридоре табличку повесил: «Только умным». И запер. Сам ходит! Один то есть с мозгами, остальные, мол, дураки...

Я присвистнула и мысленно потёрла руки: у меня намечается союзник.

– Неслыханно, какое высокомерие! Я думала, он только мне вместо соседского приветствия на дверь указал.

– Тебе?! – вытаращила глаза Надежда и ещё больше приняла меня душой, судя по взгляду и расплзшейся навстречу груди. – Так я же и говорю: барын. Туды к нему не подступись, – закивала она. – Глава просил коров не пугать самолётом, как бы не так – летает! Маршрут, говорит. Девки в клуб приглашали, куды ж! В магазин зашёл как-то, носворотил, мол, грязно и колбаса не та – почему в деревне молоко не домашнее и зачем сметана в пластике. Санитарами грозил, теперь мыть приходится. Тёмку, деверя моего, уволил за то, что раз всего на работу выпимши явился! А кто не выпивает? Сарай чинить – не зерно собирать! Ни с кем не знается, одно слово – барын!

Мои глаза загорелись.

– Ага, то есть и ваш деверь Тёма, и глава посёлка, и владелец магазина, и продавщица, и девушки местные, все вы не любите этого спесивого поклонника феодализма? – заинтересовалась я.

– А чыво ж его любить? – сложила руки на животе Надежда.

У меня на душе стало хорошо, как от сливочного масла с мёдом.

– Так приятно познакомиться с вами! – подхватила я под руку опешившую Надежду и затараторила: – Даже не представляете, как! А я подумала: домик такой милый достался,

может дачу устроить? Скрываться мне не от кого, а недвижимость зря пропадает, я тут пару раз в детстве была, решила подышать воздухом предков, знаете ли. Жаль, чаем угостить не могу, печку включить не получается, но воды попить с батончиками милости прошу!

– А шо там с печкой? – оживилась Надежда и поторопилась освободиться. – Дай погляжу!

Я впустила её в дом. Оказалось, что просто был пуст газовый баллон. Но меня взяли на abordаж, утащили в третий дом второй улицы после кустов и сторожки. В гуле домочадцев, телевизора и хит-парада Русского радио из телефона волоокой громадной девицы по имени Оксана меня накормили борщом, поставили на стол что-то страшно спиртовое, в чём я решилась только губы смочить. И, кажется, приняли в семью. Мне стало тепло-о-о. И вольготно!

Всё-таки ничто не сплачивает незнакомцев, как общий враг! Тем более, если он Чупа-Чупс, Мессершмитт, Бабовоз и барин...

Я захмелела и расслабилась. Наконец, люди, благость! Нелась, как у бабушки. Ванёк радостно крутил на пальце спиннер, девица сидела в телефоне, муж Надежды – в футболе по телевизору, а сама хозяйка вываливала на меня ценную информацию о том, кто с кем и как у них в деревне, а я уже не воспринимала. Запомнилось только, что хлеб привозят по понедельникам, средам и пятницам. Но зачем мне хлеб? Там глютен. А я за ЗОЖ.

После стопочки мне хотелось спать и просто кивать головой. Надежда меня спрашивала и сама отвечала:

– В Москве же холод собачий зараз? Ай-яй-яй, а тута лето вон. В этом году особо раннее. И дорого наверное, цены не сложить? А таки сколько вот така прычёска на волосах? Да ты шо! А тапочки эти? Не, СПА у нас нету, но баня у Олифиренки хорошая. Пускае за деньги. Ой, смотрю, ты уже ку-няешь! Завтры увидимся! А зараз иди, Мила, иди. Вон прямо-прямо и в горку, не заблудишься.

Меня выпроводили за ворота, вручили одеяло, и я пошла, расслабленно тая, растворяясь в темноте, в песнях сверчков и мерном потрескивании цикад. Небо с большими звёздами, словно их выделили жирным на клавиатуре, раскинулось надо мной и было необъятным, чернильным. Пахло чем-то исключительно экологическим и травяным. Тьфу, это навоз! Чуть не наступила.

В спортивном худи стало прохладно, я накинула одеяло на плечи. И вдруг за пустой сторожкой увидела что-то большое и чёрное. Я замерла, моё сердце тоже.

Существо возвышалось над кустом и не шевелилось, поражая грандиозным, почти мистическим обликом. У меня ослабли коленки, захотелось сесть на корточки и спрятаться под одеялом, чтобы непонятное Оно меня не заметило. Но существо мотнуло головой и с характерным фырканием потряхнуло гривой.

– Коник, – выдохнула я, и на душе отлегло.

Я подтянула повыше одеяло, чтоб не наступать на концы, и пошла к нему навстречу. Вороной конь что-то жевал и шелестел губами. Я приблизилась, увидела блестящие, как звёзды, глаза. Снова чувство мистическое и даже волшебное охватило меня, а с ним – настоящее благоговение перед этим огромным и таким природным существом, гораздо лучше приспособленным к травам, сверчкам и простору, чем я.

«Наверное, лучше обойти, лягнётся», – остерёг здравый смысл.

«А погладить?» – возразил самогон во мне.

Я шагнула ближе. Конь повернул ко мне голову и, мерцая влажными глазами, сказал приятным мужским голосом:

– Нехорошо такой красивой девушке бродить по ночам одной.

А?..

Глава 7

Милена

– Не хорошо такой красивой девушке бродить по ночам одной, – заявил конь и ласково фыркнул.

– А я же одна, – вздохнула я, когда удалось вернуть на место челюсть. – У меня никого нет.

– Совсем? Какая жалость, – кивнул конь.

– Нет, жалеть меня не надо! – упрямо мотнула я головой. – Я всегда выкарабкиваюсь. Сама. И сейчас выберусь.

– Похвальная стойкость, – сказал конь.

Я шагнула к нему и погладила шею.

– Ты красивый...

И вдруг от чёрной массы кустов отделилась мужская фигура и заявила голосом коня:

– Спасибо! Обычно я сам делаю девушкам комплименты.

Я расширила глаза, посмотрела на мужчину, коня, включила фонарь в телефоне. Конь шарахнулся в сторону и побрёл в ночные заросли. В ярком свете направленного луча незнакомец зажмурился и закрылся рукой.

– Не стоит так резко!

Я насупилась, подтянула выше одеяло и бросила:

– Самозванец!

И пошла гордо дальше, стараясь не покачиваться и не потерять одолженную спальную принадлежность. Гравий и су-

хая земля закрипели под ногами, а я топала по ним, уверяя себя, что ничуть не боюсь. Меня догнали шаги, дыхание, присутствие.

Бархатистый голос произнёс:

– Это было забавно! С конями меня ещё не путали!

Я повернула голову, но не сбавила шаг. Мужчина был молодой, не слишком высокий – лишь на полголовы меня выше, свет с замка падал вниз, причудливо удлинняя нос и раскладывая на лице мужчины тени.

– А с кем путали? С вампиром, летящем на крыльях ночи? – спросила я.

– Нет, с вампирами тоже не случилось, – обезоруживающе рассмеялся незнакомец, – но однажды в Непале меня приняли за звезду американских боевиков. Просили автограф и сфотографироваться.

Я ещё пристальней посмотрела на собеседника: обычный, никакой фальшивой белизны голливудских зубов и римских носов, но вполне ничего. Хотя мне всё равно, я мужчинам больше не верю и ими не интересуюсь.

– Видимо, для азиатов все белые на одно лицо, – заявила я.

– Верно, – кивнул незнакомец. – Давайте знакомиться? А то как-то нехорошо идти рядом, наслаждаться светской беседой и не знать имён друг друга. Меня зовут Кирилл. А вас, прекрасная девушка в одеяле?

Почти у своей калитки я остановилась, с подозрением рас-

смаатривая настырного молодого человека. Пауза была насыщена запахами, тенями, шелестом трав и переключкой собак, потягивающих то с одной стороны, то с другой, как будто из стереодинамиков. Хорошая насыщенность звука. И какое знакомое внимание в глазах с поволокой! Ох, знаю я эти взгляды! И уверенный разворот не узких плеч, и позу охотника с чуть склоненной набок головой. Явно мной заинтересован. Хм, но я-то не интересуюсь!

– Конь ваш? – резко спросила я.

– Нет.

– Вы местный?

– Нет, гость. С Юга, – его улыбка стала шире. – Как в кино.

Меня зовут Кирилл. А вас?

– Вас интересует организация праздников?

– Для меня каждый день, как праздник, так что я не вижу смысла поклоняться календарным. Мудрый царь Ашока, знаете ли, вообще отменил праздники в древней Индии...

– На чём и прокололся, – парировала я и подтянула сползающее одеяло.

– О, вы знаете эту историю? – просиял незнакомец Кирилл.

– Я много чего знаю. Но разговор окончен. Я занята, и вообще ночью не знакомлюсь.

– А днём?

Я фыркнула и вся в одеяле, как непреклонная римлянка в плаще с кровавым подбоем, направилась к своему особняку.

Не важно, что он хибара, и двор в лопухах, а не в пальмах, и нет колонн из мрамора. Он мой, а значит, особняк! Не место красит человека, а человек место.

Что-то похожее на идею промелькнуло в моей голове. Я прислушалась, повела носом по ветру, но нет, идея приземлиться не пожелала. Я с досадой громко выдохнула и толкнула калитку.

– Отложим знакомство до утра! – крикнул мне вслед мсьё Кирилл.

Я вошла в дом, заперла на крючок дверь и, рухнув на йога-коврик, накрылась одеялом. Кроссовки полетели вниз. Со знакомствами у меня на сегодня случился перебор, с самогоном тоже. Надо бы в следующий раз воздержаться. Я вообще не пью. А мне ещё мир завоёвывать, маломишкинский, но... завтра, всё завтра!

* * *

Утро разбудило меня солнцем в нос, похмельем в темечко и стуком в дверь. Я выглянула из окна и увидела вчерашнего пристава с букетом чего-то синенького. Незабудки? Ему под цвет глаз! Улыбка с загадкой, стиль бохо от головы до пят: на голубой футболке – Будда в очках от солнца, льняные штаны, спортивная обувь и распахнутая вязаная хламида, не скрывающая хорошую фигуру. И сам почти подарок.

– Ого! – вырвалось у меня. – Вы ночевали под дверью?

– Прогуляемся? – спросил незнакомец по имени Кирилл.

Я ужаснулась собственному отражению в грязном стекле и выкрикнула:

– Нет! – Но тут же опомнилась и уже полным достоинства и иронии тоном добавила: – Ни принять вас, мсье, ни разделить прогулку никак не получится. Горничная ещё не согрела мне ванну для утренних процедур, а лакей не начистил дверную ручку.

– Ручку? – удивился синеглазый.

– Да, так что трогать её никак нельзя. Ни снаружи, ни изнутри.

С эффектом стереозвука со всех сторон прокричали петухи, где-то промычала корова. На меня с верхнего угла наличника дерзко пялился черноглазый паук, а босым пяткам на полу было холодно. Я встала на полупальцы и уже собралась закрыть форточку, как незванный гость бросил будто невзначай:

– Жаль. А я думал, если уж не со мной, то с конём, которому ночью делали комплименты, вы захотите познакомиться поближе, покататься...

И Кирилл хитро на меня посмотрел.

– С конём? – переспросила я.

Мне вспомнилось ночное чудо, мурашки пробежали по рукам.

– Да. Я договорился с хозяином. Конь уже оплачен, осёдлан и начищен, в отличие от ваших дверных ручек. Но если

они неприкосновенны...

Я вытянула голову и вся потянулась к углу, чтобы разглядеть, на самом ли деле где-то поблизости стоит тот красавец или меня просто разводят, как глупую Барби. Фырканье раздалось совсем рядом. Мне ужасно захотелось увидеть коня при свете дня, а если ещё и прокатиться...

Но я же неприступная. С другой стороны, почему? Должны же быть в моей ссылке какие-то плюсы?

– Э-э... погодите! – крикнула я в вязаную спину. Такая крупная вязка – последний тренд, кстати.

Кирилл обернулся. Синие глаза по-пиратски блеснули.

– Я не могу расстраивать коня, – пожалала я плечами и поправила взрыв на голове, снова отразившийся в стекле. Нет, в таком виде я не покажусь даже под страхом смерти на улице. – С дверной ручкой мы что-нибудь придумаем. Но без туалетных процедур я тоже не могу выйти. Согласен ли конь подождать?

– Думаю, мы что-нибудь придумаем, – передразнил меня синеглазый и этим сразу понравился.

Люблю мужчин с чувством юмора, при условии, что мужчин я вообще больше не люблю!

* * *

Ледяная вода из ведра. Взвизг и мгновенная бодрость. Ура, можно обойтись без тоника! Гиалуронка на лицо, патчи

под глаза хоть на пять минут, привычно пробежалась массажёром. Витамины из пакетика, крем дневной и под глаза, щёточкой по бровям. Консилером, как художник, прикрыла огрехи, капли в глаза для свежести взгляда. Ещё несколько штрихов: контуринг, румяна, кончики ресниц и пальцами по губам губную а ля натюрель, и вуаля! Сама естественность, посталкогольного кошмара как не бывало! Вот только остаток воды в ведре я, пожалуй, выпью.

Без макияжа я на улицу не выхожу, пусть даже он едва заметен. У этого принципа две стороны, и обе положительные. Одни скажут: «Обалдеть, как она классно выглядит без макияжа», вторые: «Ого, она рискнула обойтись без косметики! Очень уверена в себе, в этом что-то есть». В общем, одни восхитятся, другие обзавидуются – такова жизнь!

На укладку времени не было, так что я натянула кепку, джинсы, просторный свитер, выудила из кармана чемодана ковбойские полусапожки и явила себя на крыльцо.

У забора перетаптывались аж два коня, и одного из них синеглазый кормил с руки. Даже не обернулся на меня. Ну-ну.

Я подбежала в нетерпении.

– Это Бумер, – не оглядываясь, сказал он и потрепал по холке гнедого красавца, затем погладил между ушами рыжую лошадку: – А это Жизель.

– Какие классные! А я Милена, приятно познакомиться.

Я с восторгом осмотрела лошадей. Те, прядая ушами, по-

фыркивали, словно тихонько обсуждали нас. Кирилл протянул мне на ладони кусочки яблока. Я взяла и подала так же атласнокожему, с шёлковой гривой Бумеру. Тот аккуратно и немного щекотно слизнул губами яблоко с моей руки, а я застыла в восхищении. Какое чудо! Глаза умные, блестят!

– Ему тоже приятно, – ответил с мягким смехом Кирилл, подкармливая Жизель. Затем глянул на меня дразняще и спросил: – Прокатимся?

Я сглотнула.

– Я не умею.

– Всё очень просто. Главное – не показывать, что боитесь.

– Я никого не боюсь.

– Ну и чудно! – ответил синеглазый. – Сидеть надо правильно и ровно. Животные всё чувствуют, уверенность особенно. Итак, запрыгивайте.

Я обошла Бумера с одной стороны, с другой и обернулась:

– Хм, и как? Рекомендации будут?

Хитрость в глазах собеседника была очень коварной, как и почти мурчащее:

– Мне придётся вас посадить.

– Да уж ладно, – пожала я плечом. – Пока мой кучер, лакей и прочая свита заняты разбором багажа, давайте вы.

Откуда ни возьмись под ногами взялась деревянная чурка. Кирилл мне указал на неё, словно всё заранее подготовил. Я ступила на срез, качнулась в стремени, закинула ногу и почувствовала горячие ладони сквозь джинсы на собственных

бёдрах. Меня залило жаркой волной. Оу! Я постаралась скорее перекинуть ногу, чуть не перелетела на ту сторону сама, но чудом удержалась, схватившись за седло. Невыполнимая миссия закончена!

– Спокойно, спокойно, – сказал Кирилл почти ласково и похлопал меня по бедру, оставляя отпечатки горячих рук.

– Я спокойна, как айсберг, – ответила я.

– Это я не вам, а Бумеру. У него стресс, впервые встречается с такими агрессивно прыгающими на него дамами.

– Ой... Извини, Бумер, – пробормотала я, выравниваясь.

Взглянула сверху и поняла, что по ощущению никакой самый крутой мотоцикл Кавасаки с конём не сравнится. Мурашки разгулялись по моей спине совершенно беспорядочно. Это было высоко! Существо подо мной дышало, шевелилось и чувствовало. Натуральная магия.

Кирилл легко запрыгнул на рыжую лошадку, мирно стоящую рядом. А затем подробно, словно каждый день это делал, объяснил мне азы. Поначалу он вёл моего Бумера за поводья, продолжая рассказывать «правила вождения», и я ощущала себя, как в автошколе на практике, когда у инструктора рядом тоже есть педали. Но потом, когда мы покружили немного по ту сторону от железнодорожного полотна, и оказались в дикой степи, Кирилл отпустил поводья, передавая руководство супер-транспортом мне.

– У тебя хорошо получается, Мила!

– Ага, – кивнула я и сосредоточилась.

Конь в собственном руководстве, а по ощущению почти дракон. Вместо йухуу, захотелось взвизгнуть: «ой, мамочки», нажать на тормоз, сползти на пузе в травку и сделать вид, что так и было, но я крепилась и держала спину. Когда меня однажды усадили на съёмках под баобаб и дали поводок от молодой львицы, я тоже не сбежала. Позировала часа два в купальнике с видом истинной стервы ради пары снимков в глянцевом журнале. А тут что? Коник, милый коник. Дом с ногами. Ой, куда ты поехал?

– Держись за поводья! – крикнул Кирилл, и существо подомной заскакало быстрее.

Небо с белыми облачками и зелёная трава заскакали тоже, запрыгали, всколыхнулись, того и гляди планируя поменяться друг с другом местами. Я же себе шею сверну! Держись, Мила!

Тыбдык-тыбдык. Хорошо, что я не завтракала! Но и витамины, кажется, взболтались неподобающе. А я всё равно улыбалась, пусть и со слегка вытарашченными глазами.

– Очень здорово! Ты молодец! – крикнул Кирилл откуда-то сбоку. – Смотри, дрон! Нас снимают.

Чёрт! Это же тот, из замка, хренов Чупа-Чупс с крыльями! Вот уж перед кем я точно не спасую! Я подавила в себе страх и душераздирающий вопль, сжала что было мочи поводья и бока коня. Тот припустил ещё быстрее в степь. О нет, это же как педаль газа нажать! Форсаж... конский!

Ветер забил мне в лицо, снёс кепку и развеял волосы. Мы

неслись. И вдруг я поняла, что не падаю. И поняла, как это – сидеть правильно – мышцы сами собой расслабились, я почувствовала живой ритм. Драйв. Почти секс! О, Боже! И сердце забилось уже не из-за страха. Хорошо, что конь умнее меня!

У меня получается! Я держусь! Я скачу! Вот это гонка! Передо мной разлеталось небо и море взволнованных трав, запахов, цветов! Ветер попадал в грудь и, будто просачиваясь, взвивался за моими плечами и уносился дальше.

Свобода, такой и должна быть свобода! – поняла я. – Я свободна-а-а-а! От всех!

– Ура-а-а! – вырвалось у меня.

– Нравится? – догнал меня Кирилл на Жизели.

– Очень! – выкрикнула я и рассмеялась, словно пьяная. – Только как тормозить я не помню! Мы все умрём! Свободные!

Глава 8

Милена

Кирилл, по-прежнему спокойный, как танк, перекрикивая ветер, напомнил мне, что делать. Потом сам подхватил повод и завернул моего коня ближе к рыжей Жизели. Я даже не поняла, каким образом. Музыка ветра в ушах замедлилась и скоро совсем стихла.

– Не испугалась? – улыбнулся Кирилл.

Я замотала головой, чувствуя эйфорию и отбитые ягодичцы.

– Спасибо! А ты где так научился ездить верхом?

– В Монголии, перед тем как отправиться на Тибет.

Когда мы пошли шагом рядом друг с другом, я перевела дух и сказала:

– Мне нужен конь.

– Зачем? – с хитрецей в расплескавшейся синеве глаз спросил Кирилл.

А я поняла, что именно в ней и есть его привлекательность. Казалось, что он говорит не то, что думает, но то, что думает – куда лучше, чем то, говорит.

– Потому что я знаю, что теперь делать! – Я посмотрела сосредоточенно на наездника рядом: – А на коня нужна лицензия, права для вождения, содержания?

Кирилл рассмеялся.

– Кажется, нет. Но куда ты денешь коня?

– В огород. Там, кажется, и сарайчик есть. Я его ещё не исследовала. Только вчера приехала.

– Ты хочешь сказать, что приехала сюда насовсем? – впервые поразился Кирилл. – Я думал, ты, как и я, здесь случайный гость.

– О нет! – воскликнула я, не способная говорить тихо после пережитых эмоций, как гиперактивный ребёнок после дня рождения с аниматорами в улётном месте. – Я к вам пришла навеки поселиться⁸! Потешить плоть красным солнышком да крапивошкой инда на собственном челе испытать, отчего в деревне так Онегину было тошно, и кому на Руси жить хорошо.

– Вот как! Ты смелая девушка!

– Со здоровой долей безбашенности, – сказала я, потянувшись вперёд и погладила шею Бумеру. – Красотыч, тебя неправильно назвали Бумером. Чёрный Бумер – это фи, Бэ-Эм-Вэшка четырёхколёсная, ты круче!

Меня распирало от эмоций, как воздушный шарик от гелия.

– Аккуратнее, – заметил Кирилл. – Вы с ним не очень-то знакомы, он может запросто склонить голову вперёд, и ты полетишь кувырком по всем правилам аэродинамики.

Я насторожилась.

---

⁸ Измененная вольно цитата из произведения и. Ильфа и Е.Петрова «Золотой телёнок»

– А почему ты говоришь про аэродинамику? И когда мы перешли на «ты»?

– Ровно в тот момент, когда ты потеряла свою супер-гламурную кепку.

– Ой, потеряла... Это Версаче, – я схватилась за голову, ощутив мягкий взрыв на макушке.

– Ничего, я найду. А что заставило тебя пойти на такой эксперимент?

Я взглянула на Кирилла, уверенно сидящего в седле, и поняла, что он мне нравится. Не такой красивый, как Дэн или тот Мессершмитт с задраным носом, но чрезвычайно обязательный. И пока мои гормоны не перепутали эйфорию от скачек с чем-то бóльшим, а я не заинтересовалась им серьёзнее, надо было срочно переходить на уровень дружбы.

– Лучше расскажи мне ещё о лошадях! – попросила я. – Кажется, ты везде был и много знаешь.

От такого предложения ни один мужчина не откажется. Дэна стоило начать расспрашивать о бейсболе и его золотом Астон Мартине, как он сразу забывал, сколько я потратила на туфельки или на серёжки от Тифани. А Кирилл был мужчиной. Но всё равно сначала сказал:

– Ты мне нравишься. Чем больше люди знают про тебя, тем больше у них возможности ограничить твою свободу.

– А я своей дорожу, – не без гордости кивнула я.

– И это похвально, – он взглянул на валуны посреди степи, не то естественные, не то останки каменных баб эпохи нео-

лита; потом на ручеёк, струящийся рядом, и сказал: – Итак, о лошадях. Легенду хочешь?

– Люблю сказки на завтрак, мифы на обед, предания на ужин.

А ещё меня тянуло петь.

– В древности у китайцев была легенда о «небесных конях», которых, кстати, народы по ту сторону Каспийского моря называли аргамаками. Китайскому императору мечталось заполучить аргамака себе лично и снабдить армию, потому что китайские низенькие скакуны никак не могли противостоять высоким индоевропейским. Ну, как любая практическая нужда, очень нужная правительству, быстро превращается в легенду, так и обычные быстроходные кони из степей превратились в потомков летающих драконов, несравненных, мощных и способных на чудеса.

– Хорошее воображение у китайцев!

– Как и у наших редакторов новостей. По легенде, дракон выходил из пещеры, видел обычных кобылиц, пасущихся у подножья горы, оплодотворял их. И потом рождались потомки небесных коней. С другой стороны была и другая легенда: что если коню-дракону, вышедшему из пещеры при виде кобылицы, отрубить голову, то его брызнувшая кровь превратится в стадо небесных коней – аргамаков.

– Жуть какая!

– Самое забавное, что подобная легенда имелаась и у казахов, и у тюрков, и у персов, и даже у якутов. В интерпретации

ях, конечно, но суть едина. А ещё мифического коня связывают с магией воды. Если китайцы превратили его в дракона, то казахи – в змею. И даже кельты отличились, предложив некоего водного духа Кельпи, который обращается в коня, чтобы уволочь в речку хорошеньких девиц и там съесть.

– Надо же, как много ты знаешь, ты наверняка историк!

– Почти угадала. Я конструктор ракетных двигателей.

Я расширила глаза.

– А разве такими бывают конструкторы?

Он меня передразнил:

– А разве такими бывают деревенские девушки?

– Хм, ну ладно.

Мы выехали из-за лесополосы, усаженной кряжистыми дикими абрикосами, которые местные называют жердёлой, и мне в глаза бросился замок на холме.

– А ты часом не господина Гродского гость? – догадалась я.

– Его, – широко улыбнулся Кирилл. – Это проблема?

Я закусила губу.

– Не думаю, что твоя.

Синеглазый знаток легенд и коней захохотал заразительно, хоть и негромко.

– У меня вообще проблем нет.

– Совсем? – удивилась я.

– Как говорят в дзен, «если совершишь ошибку, лучше сразу рассмеяться».

– То-то ты очень смешливый, – заметила я.

– Мы все ошибаемся, – с видом буддийского монаха заявил Кирилл.

– Угу, и всё граблями в лоб.

– Ну, кому-то нравятся звёздочки в глазах.

«Вот уж непотопляемый Будда...» – мысленно фыркнула я, потому что любого нормального человека, который тонет под весом собственных проблем, подобное раздражает. Я не Будда, мне всплывать и всплывать, несмотря на то, что утро замечательное!

Мы проехали ещё немного. Уже показалась железнодорожная насыпь и переезд. А я вспомнила о своей войне, о которой совершенно случайно чуть не забыла из-за прекрасных впечатлений. Но гость с Юга уедет, а мы с Гродским останемся! Мне по-прежнему нужен вектор действий, ибо работу я пока себе не придумала. Я перебрала в пальцах кожаные поводья и спросила:

– И надолго ты к Гродскому?

– Думаю, нет. Хотя это вопрос спорный.

– А есть что-то такое, что он терпеть не может? Кроме людей, женщин и сметаны в пластике?

Кирилл хмыкнул и пожал плечами, потом всё же вспомнил:

– Рок-н-ролл и ложь.

– Прекрасно! – расцвела я, ибо у меня вновь зародилась идея, причём не только план мести наглому Чупа-Чупсу.

У моего забора Кирилл взглянул на часы и сказал:

– Мне пора. Дела ждут!

– Меня тоже.

– Спасибо за прогулку!

– Это тебе спасибо! – воскликнула я и погладила шелковистую гриву моего фыркающего транспорта. – И тебе, Бумер!

– Ещё покатаемся, Мила?

– С удовольствием, – ответила я совершенно искренне.

Оно, конечно, правильно говорят: скажи, кто твой друг, и тебе хамбец! Но по всему видно, что Гродский Кириллу не друг, а работодатель. Если бы меня судили по моей директорисе, то даже служба за здоровье и за упокой не помогла бы. Поэтому я расслабилась.

Кирилл неспешно увёл чёрного, как уголь, Бумера вверх по тропинке, но к счастью, не поехал в замок Чупа-Чупса, а свернул направо. Над головой снова пролетел квадрокоптер, я показала ему язык и средний палец. Бесит!

Вошла за калитку и обнаружила на крыльце ветхого старичка.

– Здравствуйте! Вам кого?

– Тебя, пожалуй, красуня, – дед постучал палкой по косому крыльцу и покачал головой. – Ты чья будешь?

– Ничья, своя собственная, – улыбнулась я.

– Ох, неучи вы все, молодёжь, – пробурчал старик. – Чья, значит, фамилиё твоё какое?

– Ах, понятно! Я Рыжикова, Милена. Бабушки Тоси двоюродная внучатая племянница. Вы её, наверное, знали?

– Знал понятно. Куды ж! Антонина говорила, что все её родичи сплошь говнюки, только одна, мол, дивчинка смешная есть. Ты то бишь.

Я удивилась. Однако должно же быть хоть какое-то объяснение её завещанию. Дед осмотрел меня внимательно, достал из кармана толстый мятый конверт и, смяв его ещё больше в корявых жёлтых пальцах, протянул мне.

– Тута, считаешь.

– Что там? – насторожилась я.

– А я почём знаю? Я чужие письма читать не горазд. Отдала мне, мол, «если помру, отдай, а помрёшь первым, так не майся». Харáктерная была Антонина, упря-ямая! – он снова покачал головой с редкими нечёсаными волосами.

Я раскрыла дверь.

– Проходите, дедушка! Только простите, я ещё не обжилась. Вы, возможно, из глубины своего опыта посоветуете мне, за что взяться сначала, чтобы привести этот дом в порядок?

Дед вошёл, осмотрелся, попыхтел, постучал палкой по полу, издающему почти музыкальный скрип.

– Что скажете? – спросила я.

– Сама жить будешь?

– Сама.

Дед смотрел на меня долго и внимательно, даже придири-

чивей, чем вчера Надежда. Затем достал из кармана спички и протянул мне.

– Спички у меня есть, – ответила я с непонимающей улыбкой.

– И эти бери, – сказал дед. – Сожги всё к едрене фене, развалюху эту. Землю продай, да купи себе комнату в городе.

– Что вы такое говорите? – нахмурилась я.

– А то, что не проживёшь ты, дивчина, сама в этой дыре. Говорят, Чупа-чупс скупает. Ему и продай, не жадный вроде. Вон ремонт во дворце культуры за свой счёт отбабахал и библиотекарше платит. У Турчаненков хату купил, цены не снижал, и у Поляковых. Продавай.

– Я не хочу, – упрямо сказала я. – Это он вас послал?

– Та хай? Сам пришёл. Антонина вот нагрузила, земля ей пухом. Только така, як ты, тоненька, холёна, ручки-ножки маленьки, куда тебе хозяйство? Шо, корову доить умеешь?

– Нет.

– Хату белить?

– Нет.

– Может дрова порубаешь сама?

– Нет.

– А курей когда не жареных видала?

– Ну-у...

Он вложил в мою ладонь спички и кивнул:

– Жги.

Потом шаркая солдатскими, приспущенными сапогами и

царапая палкой пол, пошёл прочь. Я проследила, как он покинул двор, и сердито осмотрела свой обшарпанный особняк с яркими неуместными здесь чемоданами и пока ещё разбросанными повсюду моими вещами, не нашедшими место.

Жечь? Вот ещё!

Я села за грубый стол, достала телефон и открыла органайзер. Распланирую план действий, как праздник. В конце концов, это только моя жизнь, и мне решать, что с ней делать. Затем я взяла мятый конверт, покрутила его в пальцах и раскрыла аккуратно. На столешницу упал сиреневый цветок бессмертника. Что бы это значило?

Глава 9

Владимир

От громких звуков, внезапно ворвавшихся в мой сон, я резко развернулся, сбил рукой с тумбочки стопку книг. Те грохнулись с шумом. Я вскочил с кровати, всклокоченный, голый и ничего не понимающий.

Бабах! Бам-бам-бам! – заходились, будто в истерике, барабаны.

Я рванул к окну и скривился: терпеть не могу рок! Распахнул створки. Джон Бон Джови разорался ещё громче. В такт хрипящим гитарам подвывала издали собака, ей вторили другие. С другого конца деревни занялся нервный лай. В развалюхе над железнодорожной насыпью горел свет, по саду мельтешили тени. Звук явно исходил оттуда. Бандитка!

Словно в подтверждение моим мыслям стройная фигурка в белом появилась из дома и протопала к тёмной зелени двора. Нахалка, она ещё и пританцовывает!

Новая соседка показалась снова, повернула голову в мою сторону, будто дразнясь, и скрылась в доме. Кирилл сказал, что она не шпионка. Ну, в этом я и сам уже убедился. Вредительница – вот она кто!

Степь сотрясли басы, как табун хана Батыя, готового поработить половину всея Руси. Я поджал губы. Эх, так хорошо жил всё это время! Сюда даже выкрики местной пьяни

в праздники не долетали, а теперь пожалуйста! Давно надо было выкупить ту развалюху. Жаль, бабка в ней жила упрямая, как приросла к месту. Но бабка не слушала рок! Ночью!

Вокалист взвыл, собаки залаяли наперебой, барабаны разрушили всю прелесть ночи и распугали к чертям сверчков. Возмущение вскипело во мне.

Нет, такого откровенного хамства я не спущу! Я нахмурился, поспешно натянул джинсы и набросил рубашку.

Апрель был тёплым – аномальным, как и всё в этом году. Злой и раздражённый, я направился с намерением утихомирить баламутку и прекратить вакханалию. Чуть не перевернулся, промахнувшись мимо кочки в темноте и, соскользнув, удержался, схватившись за поросль. Ошпарил ладони крапивой. Чёрт!

Выкуплю участок, сделаю тут лестницу или засажу всё кустарником. Колючим, чтобы стороной обходили! И забором обнесу. Вот что значит миндальничать со всякими старушками, на чаёк заходить с мятой, французские макароны таскать, уговаривать. Мягкотелость это! Надо было ставить вопрос ребром: дом выкупить – бабку Антонину оформить в роскошный пансионат для престарелых тут неподалёку, дольше б прожила.

Ветер с востока от деревни окатил прохладой.

Сельчанам наверняка и не слышна эта забойная вакханалия, – подумалось сразу же, – повезло только мне!

Я без зазрения совести снял крючок на покосившейся ка-

литке и вошёл. Толку кричать или искать звонок не было, всё равно не услышит. Стебель от высокого куста облизал ногу над кедом листвой. Опять крапива.

– It's alright! – Орал Бон Джови.

– It's alright! – вторили ему множество голосов, преимущественно мужских.

Саманные стены тряслись от басов, и весь дом вибрировал, чуть крышу не снесло. Меня покорило. Угу, да тут целая толпа! Тем хуже!

Я мельком глянул на древко то ли от лопаты, то ли от грабель у крыльца. Ничего, я ей покажу, как ночью вечеринки устраивать! Разгоню сейчас всю банду! Я без стука дёрнул на себя дверь, вошёл и застыл: здесь никого не было. Белизна и пустота! В нос ударил запах мела. Я протёр глаза и понял: это был заляпанный белыми пятнами полиэтилен. Он покрывал полы, мебель, да всё, что только можно. На окне, прямо в форточке орала беспроводная колонка. Бандитка в белом трико, облегающем идеальные ноги; в завязанной на талии белой рубаше, словно собралась заниматься йогой, стояла на складной лестнице и пританцовывала. Кепи козырьком назад, строительные очки, в руках электрический краскопульт.

Э-э... она работает?.. – опешил я. – Самое время.

Я протопал к колонке и выключил её. Тишины не случилось, краскопульт жужжал, но хоть подпевать бандитка прекратила. С удивлением посмотрела на колонку и обнаружила меня. Краскопульт замолк.

– Здрассьте, – сказал я сердито. – Чем вы тут занимаетесь?

– Белю, – ответила она, снимая очки.

Чёрт, некоторым хоть штаны на голову, всё равно будто только что со съёмок рекламы!

– Вы на часы смотрели? – строго спросил я.

– Нет, а что? – хитро скосила глаза бандитка.

– А то! – гневно заявил я. – Что полночь, и нормальные люди уже давно спят!

– Вы уверены? Точно нормальные? – ехидно улыбнулась эта язва, прыгнула со ступеньки лестницы, подошла и практически направила мне в живот краскопульт.

– Вот хамства не надо, – буркнул я. – И аппарат уберите.

– Боитесь, что расстреляю? – хмыкнула она.

Я окинул взглядом замызганную мелом комнату и позволил себе сарказм.

– Полагаю, что промахнётесь.

Меня тут же ошарашило холодной жидкостью. Я отскочил и уставился на свой живот, мокрая рубаха стала белой и облепила меня. Э-э...

– Вы в своём уме? – морщась, уточнил я.

Бандитка невинно моргнула:

– Упс, простите. Я правда, такая неловкая. Вы были правы: ничего не смыслю в аэродинамике разбрыгивания побелки...

– То есть вы решили взять за правило: обливать меня при каждой встрече?! – рыкнул я.

– Нет, – ещё невинней проговорила она, – в прошлый раз облили меня вы.

– Чем же? – удивился я.

– Вопиющим недружелюбием и негативными флюидами.

Какая же она дерзкая! И красивая. Чертовски!

– Я не люблю посторонних, – буркнул я, на самом деле раздосадованный, что ошибся насчёт промышленного шпионажа, а Кирилл был прав. Если она и шпионка, то какая-то уж очень профессиональная – так играть обиженную Барби с намёком на мозг не всякому дано. Вручил бы Оскара, если б номинировалась. Но свои ошибки я признавать не люблю, а хамского поведения так тем более!

– Представьте себе, и я! – весело заявила как там её... Милена.

– Это не даёт вам право нарушать установленные законом правила поведения и общежития.

– Общежития? Где? Кто? Тут ещё кто-то живёт? – ахнула она и тут же добавила через губу: – Не заметила. Это мой дом, моя земля, мои владения.

– У-у, – присвистнул я. – Да вы латифундистка! Аж двадцать соток и бугор!

Они презрительно скривила губы:

– Да, прекрасные двадцать соток и дом. И я вас не приглашала! Люблю белить в одиночестве, знаете ли. Так что выход сами найдёте?

Побеленная рубашка противно клеилась к моему животу, я расстегнул её. Девушка прилипла взглядом к тому, что открылось. Ну да, спортом я занимаюсь регулярно. В её взгляде пропала язвительность. Ха! Довольный, я засунул руки в карманы и парировал:

– Я-то уйду. Но по закону после двадцати двух ноль-ноль и до шести утра в рабочие дни, до десяти в выходные нарушение общественной тишины запрещено даже тем, у кого двадцать соток.

Она вызывающе выпятила грудь, пуговка расстегнулась в соответствующем месте, но я не позволил себе туда уткнуться. Моя воля крепка.

– А если мне всё равно? Что делать будете, мсьё Гродский? Полицию вызовите, чтобы она отходила девушку палками?

– Ну, я не знаю, если у вас такие сексуальные фантазии, – протянул с иронией я, наконец, перейдя в фокус взгляда сверху вниз, – пожалуйста, удовлетворяйте. Только боюсь, участковый Петренко сейчас нетрезв. Впрочем, как и всегда. Но вы ни в чём себе не отказывайте! За бутылку он протрез-

веет.

Она густо покраснела и вдруг не нашлась, что ответить. В яблочко! Этот смущённый румянец делает её ещё сексуальнее. А как губку закусила, ммм!

Я взял с окна колонку, засунул себе под мышку, развернулся к бандитке и сказал:

– Нарушение общественной тишины, мадемуазель Милена, по закону карается штрафом. Дабы не разорить вас, я изымаю сей гаджет до утра. Приходите в десять.

– Поставьте на место! – опомнилась она, всё ещё призывно розовощёкая.

Я цокнул языком.

– Нет, не уговаривайте. Раньше десяти не отдам, а то снова нарушите, такой соблазн! Имейте в виду, я проявляю к вам великодушие. Ведь если ветер переменится и звук пойдёт в деревню, тётка Маратовна со второй улицы точно наденет это ведро с побелкой вам на голову. – Я покачал головой, якобы сочувственно. – Тут такие нравы! И люди не обходительные...

– Гораздо лучше некоторых! – огрызнулась красотка.

Я рассмеялся. Злость схлынула, и ситуация показалась мне забавной: и её румянец, и пуговка, и гнев, и грудь, так часто вздымающаяся и грозящая расстегнуть следующую пуговку ниже. Милена очень занято злилась! Так что я не мог отказать себе в удовольствии подразнить соседку ещё.

– Ладно, – снизошёл я. – Если будете хорошо себя вести,

подарю вам наушники.

– Да идите вы...

– К чёрту. Спасибо, я в курсе! Уже иду, – хохоча, ответил я и направился к выходу.

– Эй! Колонку оставьте!

Я покачал головой, на пороге остановился и, обернувшись, сказал:

– Но если фантазии об участковом Петренко не дают вам спать, он живёт через четыре улицы прямо у почты. Наслаждайтесь! – И пошёл.

Что-то с лязгом и всплеском вцепилось в дверь. Хорошо, что я успел её закрыть. Я прибавил шаг и одним махом перескочил через калитку. Милена прокричала вслед гневные выпады про Чупа-Чупс и Мессершмитт. Хочет конфет и полетать? Весело! Фантазёрка!

Настроение отчего-то влетело вверх и, насвистывая себе под нос первую пришедшую на ум мелодию, я взбежал в гору легко и быстро. Только заходя в замок, я понял, что насвистываю Джона Бон Джови. Однако...

Глава 10

Милена

Утром того же дня

Я всегда мечтала быть Томом Сойером! Не в смысле рыжим, босоногим нахалёнком, – меня вполне устраивает моя грудь, – я мечтала стать тем, кто решает сложные ситуации с полпинка! Вспомните сцену покраски забора. Я смотрела её, наверное, раз двадцать. Как мастерски он обвёл вокруг пальца других мальчиков, после чего им тоже захотелось забор покрасить! Такой молодец, он заставил их изменить угол зрения и воспринять его наказание как привилегию! Этот финт, достойный антикризисного менеджера, плюс сцена из фильма «Свадебный переполох», где героиня Дженнифер Лопес разруливает всевозможные неприятности на свадьбе и потом, как королева, взирает на великолепно украшенную церемонию, побудили меня однажды подумать о профессии менеджера по организации праздников. Тем более, что моделью мне быть не нравилось, хоть по словам мамы, мне грозило либо попой крутить, либо пирожки продавать на базаре.

Ну да, я ничего не умела, училась так себе. Из университета меня всё-таки отчислили, из модельного агентства я ушла сама и устроилась помощницей к одной даме, которая воплощала мой идеал Тома Сойера в юбке. Она могла откусить руку по локоть конкурентам и при этом сладко улыбаться.

ся заказчику. И нет, это не моя нынешняя директриса.

Зато на той работе я набралась опыта, закончила другой университет заочно и встретила Дэна на его же несостоявшейся свадьбе. Почти как в кино. А теперь не состоялась моя... Захотелось плакать, но я встряхнула головой.

И вдруг позвонила Тома. Я покривилась, зная, как той не терпелось услышать, что я раздавлена, несчастна, хотелось унюхать запах моих слёз даже сквозь спутниковую связь. Нет уж, такой радости я не доставлю! Но трубку я всё же взяла.

– Как ты, Кисуля, дорогая? – пропела Тома с фальшивым участием. – Я беспокоюсь за тебя!

– Спасибо, я в порядке, – ответила я, откладывая письмо бабы Тоси на допотопный стол. – Разве у тебя есть повод беспокоиться? Я отдыхаю на свежем воздухе так же, как и вчера!

– Пансионат? – поинтересовалась Тома, будто мы дружили, когда Дэн ещё не был моим бывшим. – Отправилась в тур? На Бали?

Я окинула взглядом потрескавшийся потолок хаты, грязные окна, тускло пропускающие свет, махрового паука размером с креветку и расцвела в блаженной улыбке:

– Гораздо лучше!

– И где же ты? – не унималась Тома. – В Сочи? В Роза-Хуторе?

– Предпочитаю оставить это в секрете, – ответила я медово. – А то вам, девчонкам, тоже захочется.

– Ну какая же ты секретная! А сначала приглашала...

– Я передумала, кое-что изменилось.

– Ну, Зай, расскажи, поделись, – начала канючить Тома, вечно скучающая, изнывающая от того, что больше нечего желать. – Хотя я понимаю: ты просто гордая, не хочется признаваться, что тебя плющит, но это же нормально – свадьба, мечта всей твоей жизни, сорвалась. Дэн, такой Дэн, ты же его знаешь, ну и ты же сама видела, что вы не пара...

Не поддаваясь на провокацию, я просто рассмеялась:

– Разве можно мечтать только о свадьбе? Жизнь продолжается!

– Но ты же так хотела эту свадьбу! Толкала Дэна под венец всеми силами, правдами и неправдами! Папа был против, – не унималась экс-родственница.

– Ваш папа всегда против, это его жизненная позиция. И ты ошибаешься. На самом деле, Дэн меня уговаривал, но в конце струсил, – парировала я. – А я за свободу! Даже не представляешь, в каком я сейчас потрясающем месте! – Я глянула на облупленную сиротскую печь, деревянные полы. – Тут всё так аутентично! Сплошной хэндмейд, винтаж, этника!

Особенно эта старая кружка с щербатым краем.

– Всё дышит природой, историзмом. Ты знаешь, это так свежо после выхолощенных интерьеров Москвы, пластика, мрамора, деланных лиц...

В окно заглянула какая-то красноносая роза в панаме и

помахала мне рукой.

Я жестом показала непрошеному гостю, что разговариваю, и счастливо добавила в телефон:

– А здесь такие неизбежные лица!

Роза повернулась другим боком, расплющила с внешней стороны окна нос-картошку о стекло, пытаясь рассмотреть, что в доме. Под глазом мужичка красовался фингал.

Ну ладно, – внутренне согласилась я, – избитые. И добавила увлечённо:

– К тому же это место, пропитанное легендами, которые живут до сих пор.

– Легендами? – переспросила Тома, и её тон мгновенно изменился.

Как же я забыла, что эзотерика – большая слабость этой скучающей мисс «Везде-то-вы-были-всё-то-вы-видели», она готова отправиться на Северный полюс или к шаманам в Перу, чтобы потом устало бросить в дамском клубе, что «шаман не дотянул», а в нектар для озарений «явно чего-то не докладывают». И меня понесло.

– Легендами, причём сила преданий передаётся из рода в род! – начала врать я на ходу, с облегчением отметив, что круглолицый алкоголик в панаме скрылся из моего поля зрения. – Я давно мечтала здесь побывать, но ты же знаешь Дэна, ему подавай только цивилизацию. А теперь я просто позволила себе оторваться на полную, вырваться из душно-го, пыльного мегаполиса на природу!

Тома слушала и не перебивала, а значит, поверила. И я добавила, как вишенку на торте:

– К тому же тут такие великолепные конные прогулки: запах трав, ветер, скачешь, будто летишь. Кстати, не одна, а в очень приятной компании. Знаешь, этот особенный тип мужчин...

Тома, кажется, облизнулась.

– Я приеду к тебе.

– Думаю, не стоит, – мотнула я головой. – Дэн не поймёт, он же твой брат, а я его бросила. Ещё обидится, расскажет отцу, и...

– Нет-нет-нет, он сказал, что ему нет дела до тебя... – поспешно выпалила Тома и прикусила язык.

Вот так, да? До жжения в груди вспыхнула не обида, гнев. Я сверкнула глазами, резко обернувшись на скрип, и мужик в панаме, появившийся на пороге, попятился и, судя по звуку, гикнулся с крыльца. Хоть одному «коню» досталось!

Я снова улыбнулась так, что и Мефистофель бы позавидовал:

– Ну вот и прекрасно, Тома! Мы с Дэном вовремя поставили точки над I. А ты выйдешь замуж первой, как и хотела. И отец ваш наверняка счастлив.

Тома громко выдохнула.

– Отец... Ну, при чём тут папа? А у нас пока всё сложно с Марком... И я так устала от города. Я всё-таки приеду, Кисуля, не будь жадиной, делись позитивом. Мне тоже ин-

тересно, что там у тебя за легенды!

– Прости, – покачала головой я. – Не получится. Знаешь, эта легенда уже почти тысячу лет передается из уст в уста местными жителями и только своим. Я приехала и сама убедилась, что всё правда. – И я заявила весело. – Сколько тут дней прошло? Два?

Абориген в панаме снова показался в приоткрытой двери и сделал жалостливое лицо.

Нет, ну что за обезьяна? Откуда он вообще взялся?!

Я сдвинула зверски брови, а в телефон сказала:

– У меня уже три новых поклонника! Не знаю, кого выбрать.

– Из-за легенды? – с придыханием спросила Тома.

Мужичок в панаме на моём пороге обрадовался. Развёл руками, красноречиво щёлкнул пальцами по шее и прошептал:

– Прекрасная леди... очень надо...

Я отвернулась от него и поспешно бросила:

– Ну да, из-за легенды. Приехать сюда нельзя. Ритуал такой, сложный... – Вдохновение врушки закончилось, я заторопилась. – Ну в общем, потом все счастливы. Я так уж точно! Дэну передавай привет! Всё, мне пора!

– Мила...

– Леди, рад приветствовать вас в нашем... – хрипло начал алкоголик.

Я срочно отбила звонок и двинула на незваного гостя.

– Кто вы такой? Что вам нужно?

Панамочный мужичок в широких штанах и фуфайке, похожих на пижаму, виновато улыбнулся, покраснел то ли от тоски по бутылке, то ли от смущения, и пробормотал:

– В деревне говорят, баб Тосина внучка приехала. Красавица. Такая же добрая. Умная. Не врут, вижу...

Я недоверчиво склонила голову.

– Я сосед ваш, с холма.

– Из замка? – хмыкнула я, понимая, что тот врёт.

– А как вы угадали? – моргнул мужичок и улыбнулся шире, обнажая пробелы в зубах.

– Владелец? – с иронией уточнила я, скрестив руки на груди.

Мужичок кокетливо расправил плечи, похожий на спившегося царственного хомячка.

– Не совсем. Бабушка Антонина Федоровна добрая была женщина, мы дружили, у меня справка есть. А ещё могу на могилку проводить. За бутылочку. – И он моргнул снова.

Кажется, я попала в комедию. Я прошла мимо одутловатого незнакомца и выглянула во двор: нет ли там камер, съёмочной группы, продюсеров передачи «Розыгрыш» и прочих клоунов. По тропинке с холма проворно спускался сосредоточенный, мощный мужчина лет сорока пяти, в синей одежде санитара, белых тапочках и с прямыми, лежащими на голове, как солома, седыми волосами.

– Девушка, мужчину в пижаме не видели? – спросил он. –

В панаме. Без зубов.

Я распахнула дверь пошире.

– Как же не видела, вот он!

Лицо под панамкой стало обиженным.

– Адамыч, иди сюда! – сурово сказал санитар. – Сколько раз тебе говорили: не убегать!

– Так я в гости. Повидаться, – как обманутый ребёнок, надул губы мужичок.

Санитар прошёл в болтающуюся на петлях калитку, подхватил его под локоть.

– Пошли. – А мне добавил: – Извините, постоянно сбегает.

– Откуда? Из замка? – с дурным смешком уточнила я, не зная, что и думать.

– Из лечебницы. Психиатрической, – ответил санитар и показал в противоположную от замка сторону: – Маломиш-кинской.

– Боже, тут ещё и такое есть? – опешила я.

– У нас всё есть. Как в Греции, – заверил меня санитар, будто был главный в Греции.

Адамыч поупирался немного, потом сдался и посмотрел на меня укоризненно:

– А бутылочку?

– Не держу, извините, – пробормотала я.

– Ну хоть конфетку! – умоляюще всхлипнул тот.

Я полезла было в карман за батончиком, но санитар гарк-

нул строго, выставив вперед ладонь:

– Не надо! Потом не отводите!

Адамыч опять виновато пожал плечами:

– Это правда. Я, как кот.

– Пойдём, кот, – буркнул санитар. – Послал же Бог Мурзика!

Они ушли, оставив меня, недоуменную, на пороге завещанного дома. Хотелось громко крикнуть степи, оврагу и железной дороге:

Постойте, я так не играю! Это перебор! Может же быть хоть что-то по шаблонам? Не слишком ли много впечатлений на меня одну? Сосед-дроновод-Чупа-Чупс в замке, предложение сжечь хату от деда Потапа, кони на завтрак, синеглазые, обольстительные Будды с незабудками, не сильно родная бабушка с секретом, дурдом... Я же думала, что просто еду в деревню с мимимишным названием Маломишкино!

Телефон в руке снова зазвонил, я глянула на экран. Тома.

О, чёрт! Ещё и она! О чём я ей только что врала? Вроде и не собиралась, хотя...

Я села на пригретое солнцем дерево ступеней, оборвала лезущую сквозь старые иссохшиеся перила травинку. Сунула её в рот и задумалась. А если всё это на самом деле использовать? Материал богатый, сам просится.

Во время прогулки с Кириллом на лошадях ко мне пришла мысль: а не организовать ли для жителей близлежащего

города экскурсию «День в деревне»? Квест со всеми прелестями: гоняющимися и атакующими гусями, водой из колонки, тазиками, скачками на коне, заданием посадить дерево, картошку или подоить козу. А в завершение – борщ от настоящей сельчанки и супер самогон для взрослых. На ночь вместо гостиницы – экологически чистая хата, истинный саман, одна солома с глиной и коровьими лепешками; печка, как в сказке, петухи, собаки, степь. Никакой цивилизации, только натуральная деревня, только хардкор. Экология нынче в моде. И возвращение к корням.

Тома позвонила ещё раз. И я подумала: а что если не ростовчан завлечь, а дев с клуба на Тверской и с Барвихи – таких, как Тамара, которым больше нечего хотеть, потому что всё заранее приносится? Это не Швейцария и не Мальдивы, это такой экстрим – эмоции обеспечены! Интересно! Аэропорт почти рядом.

Тома не сдавалась, она всегда вела себя, как избалованный ребёнок. Я взяла трубку.

– Том, ну я правда занята.

– Ритуалом?

– Нет, мне больше не нужно ритуалов, – ответила я. – Достаточно одного раза.

– Я про российские ритуалы не слышала. Что там за ритуал, Кисуля? – искря нетерпением, спросила Тома.

Я б так знала...

Над головой раздалось жужжание, обожравшейся стреко-

зой пролетел квадрокоптер.

Гродский их выгуливает, что ли? – рассердилась я. – Или следит за мной, вуайерист?

– Прости, я обещала держать всё в секрете, – с ложной грустью ответила я. – Случайно проговорила. Сама понимаешь, из рода в род, с древних времен. Мне такое доверили... Не могу, Тома, не уговаривай.

– Ну, пожалуйста, Зай! – воскликнула Тома. – Я никому не скажу!

Я глянула вслед квадрокоптеру и снизошла:

– Ладно, я узнаю, можно ли рассказать своим. Но не прямо сейчас. Тот человек, кто мне всё открыл, уехал и сейчас находится вне зоны действия сети.

На квадрокоптере улетел, как Карлсон.

– Я обещаю, что никому не выдам, – поклялась Тома. – Но мне хотелось бы приехать, самой посмотреть. Любопытно!

– Тут всё не совсем так, как ты привыкла. Этника, простота, экстрим...

– Вау! Я хочу! Хочу к тебе!

– Про это я тоже скажу, что ты хочешь приехать. Дай мне три дня.

– Так долго? – простонала Тома. – Я же умру от любопытства!

– Я делаю ради тебя всё, что могу, – невозмутимо ответила я. – По родственному.

Тома вздохнула:

– Хорошо, я потерплю. А Лане можно сказать? И Джули?

– Тома... Никому, – строго, голосом того же санитара ответила я.

– Всё-всё, тайна-секретик, я сохраню её, ты можешь мне верить! – радостно пропела она.

– Супер! До звонка!

Я хмыкнула: угу, про страшную, никому не известную, а значит, VIP легенду и потрясающую аутентичность, способную наладить личную жизнь, скоро будет знать человек двадцать. Или тридцать. Или весь женский клуб, а они вполне могут быть моей платежеспособной целевой аудиторией. И это не те дамы, которые пересекаются с нефтяниками из Магадана, – просто два параллельных мира.

Ура! Я спасена?

Я почесала макушку.

А если не получится?!

Я махнула рукой, заодно и комара отпугивая. Кто не попробует, тот на коне не окажется. А я уже на нём была. Будем продолжать!

И, воодушевлённая, я отправилась писать план, искать владельцев коня, советоваться с дедом Потапом и Надеждой про ремонт, знакомиться с магазином и его обитательницами, а потом трястись на электричке в город за стройматериалами – не побеленную аутентичность светские львицы не оценят. Шокировать тоже нужно в меру, а то будет как с нефтяниками. Осталось выяснить, что вообще народ гово-

рит про степи, есть ли у них духи, мифы, природа-мать или просто так травка растёт?

* * *

Та же ночь, через час после обливания побелкой

Чупа-Чупс ушёл, а во мне всё кипело! Не права была баба Тося, ох, как не права! – подумала я, припомнив её письмо. – Ну ничего, всё равно я теперь не растерянная брошенная невеста, у меня есть план. А план – это главное для организатора, особенно если первый пункт уже выполнен!

Я захлопнула дверь в дом и коварно сощурилась. Баба Тося помогла мне, сама того не зная. Отнесу ей на могилку букетик. А пока я опять взялась за краскопульт, вдев в уши наушники. Слава Богу, Джона Бон Джови выключили, я с большим наслаждением чего-нибудь мелодичного послушаю. Но Чупа-Чупс гад всё-таки, хоть и с кубиками...

Не понимаю, как можно быть занудой-ботаном-высокомерным-прыщом с таким телосложением?

Облепленный мокрой белой тканью, словно залитый молоком, враг представился мне снова, как воочию. До мурашек. Когда Гродский расстегнул рубашку, представив на обозрение скульптурно-атлетический торс, я растерялась. При виде приспущенных джинсов и полоски волос, уходящих по мышцам живота вниз, у меня в голове возник один вопрос: «Ой, он без белья?!» И этот вопрос выбил все аргу-

менты, иронию, сарказм и прочие виды оружия из моего арсенала. Это был запрещённый приём!

Я рассердилась.

И зачем мне думать о нём? Меня мужчины не интересуют, что бы там не писала баба Тося. Я – самостоятельная женщина! А скоро буду обеспеченной и независимой.

«Dancing with a stranger», – запел в наушниках Сэм Смит.

Покачивая бёдрами в такт, я влезла на стремянку и включила свой аппарат. Он зажужжал, послушно покрывая стены свежей белизной. Подумать только, что мне сегодня предлагали для побелки использовать швабру, старый пылесос, а внук деда Потапа – дачный разбрызгиватель, похожий на агрегат для уничтожения зомби. Лишь через час я позволила себе паузу, взглянула на угол и улыбнулась: чудесно получалось, я всё успею!

Да, стены были бугристыми, косоватыми, в общем, – кошмар перфекциониста, но ровные стены для моей затеи мне и не были нужны.

Я сюда паломничество див с Рублёвки организую, ошарашу их народным экстримом за большие деньги. То-то мсьё Мессершмитт обрадуется, когда здесь будет не одна Барби, а непрекращающийся поток гламурных красоток, VIP стойбище, капище Коню и день Нептуна с дискотеккой...

Глава 11

Владимир

Несмотря на выходной, я проснулся ни свет, ни заря, глянул на экспроприированную у бандитки колонку и отчего-то заволновался. Видимо, продуло ночью – чревато с голым пузом ходить. Всё-таки апрель, не август. А впрочем, лёгкий мандраж – признак здорового организма, изголодавшегося по длительной пробежке. Я отправился бегом по холмам и весям, наслаждаясь воздухом и природной красотой. Однако возвращаясь, чуть было не свернул к хижине у подножия оврага.

Интересно, добелила или так бросила? А, может, помочь? – прокралось в уме предательское. В ответ на собственную мысль я фыркнул и побежал дальше. Настроение было приподнятым. Интересно, она снизойдёт до извинения утром или начнёт сразу пререкаться? С предвкушением новой пикировки вновь забурила кровь, но ненадолго. Я не уделяю время глупостям, у меня всё нормально с тайм-менеджментом.

И потому всё пошло, как обычно: тренажёрка, душ, переоделся, влип носом в почту. Дел на день запланировано громадье, надо будет запустить с Киром экспериментальный вариант... Только зачем-то я заглянул на кухню, где уже хозяйничала Оксана, здоровенная, полная, скучная девица, впро-

чем, лучшая из тех, кто пробовался на должность горничной. Готовит отлично, с пылью справляется, на кухне чисто-та, рубашки выглажены и точно не шпионит. Мне большего и не надо.

– Завтракать хгде будете, Владимир Хгеоргхич? – спросила она низким голосом, зычным, как Иерихонская труба.

Она «г» произносила на жуткий южнорусский манер, то бишь безбожно гэкала, как и все местные. Впрочем, странно было бы, если б она пищала мышкой с московским выговором в деревне под Ростовом при такой-то грудной клетке и выдающихся... Ладно, не будем об этом.

Я посмотрел на часы, те показывали восемь, и заявил:

– Завтракать будем в десять в гостевой столовой. Накройте на три персоны.

– В десять? – удивилась Оксана.

Я кивнул.

– Ну или четвертью часа позже.

Блондинки всегда опаздывают.

– А когхо ждёте-то? – в лоб спросила горничная.

– Не важно. Кто придёт, того и приводите.

Что за вздор? Объясняться...

Я уже собрался уходить, как Оксана протрубила мне в спину:

– Кирилл-то ужo позавтракал и ушёл спозаранку.

– Да? – удивился я, а под лопаткой что-то неприятно ца-рапнуло. – И куда же?

– За конями опять.

– Угу.

Я вышел из кухни, почувствовав себя раздражённым. К чему это? Ну, допустим, Кир провёл вчера разведку боем, выяснил имя нашей соседки, определил, что не шпионка. Дальше зачем устраивать цирк с конями?

Из лаборатории я поднялся в западную башню, задрал голову. Завидую птицам!

Небо завораживало, голубое, прозрачное, высокое, оно вытягивалось вверх безбрежным куполом, усиливало эмоции. Я наклонился к телескопу и перевёл его на поля. Небо и завтра тут будет висеть, а вот чем там Кирилл занимается? Опять джигитовкой девиц соблазняет? Я нахмурился так, что окуляр больно врезался в глаз. Чёрт!

И я резко очнулся. Почувствовал себя идиотом и отодвинул от себя линзы. Мне-то какая разница? Ну, хорошо, что не шпионка! Это главное! Значит, можно расслабиться и спокойно заниматься завершением проекта. Чем я себя и нагрузил. Правда, всё беспокойно поглядывал на часы. Стрелки ползли, Кирилл не появлялся. Я не выдержал и позвонил ему:

– Ты где?

– В своей спальне?

Меня бросило в холодный пот.

– Что? Уже?

– Ты о чём? – сонно проговорил Кирилл. – Если о меди-

тации, то да, я уже закончил.

– Один?

– Ну, есть тут ещё майский жук. По окну ползает, – хмыкнул друг. – Странный ты какой-то. На ночь коньяком заливался?

– Нет, – бросил я. – Не забудь, что у нас запуск после завтрака.

– Помню-помню. Я уже того... Не сдержался, сырники уж очень вкусно пахли. Но от чая в твоей компании я не откажусь.

– В десять, – буркнул я.

* * *

Ровно без четверти десять я надел свежую рубашку, выглаженные брюки, расстегнул ворот, словно невзначай, потом застегнул. Затем снова расстегнул и сбежал по лестнице вниз. Мы встретились с Киром у входа в столовой. Он окинул меня взглядом и присвистнул:

– К нам приглашена английская королева?

– Никто к нам не приглашён.

Друг мельком глянул на сервированный стол, заставленный аппетитно пахнущей снедью. Всё, как я попросил: фарфор, серебро, цветы полевые в вазе, клубничное варенье, сырники, фрукты, пирожки, которые Оксана упорно считает круассанами, сыр и прочее.

– А где утренняя каша с молоком и твоя футболка с тёртыми джинсами? – ехидно спросил Кир.

Я пожал плечами.

– Воскресенье. К тому же ты уравниваешь, – заметил я, глядя на мятую рубашу и штаны Кира, делающие его похожим на дервиша из пустыни саксаул. – Как твоя конная прогулка?

– Никак, – ответил он. – Кони были пьяны, факиры запряжены. В общем, Милена Батьковна увела их у меня из под носа и поехала кататься с дочкой владельца сама.

У меня отлегло от сердца, и я хмыкнул:

– Сможешь высказать ей претензию через несколько минут... – Я снял серебристую куполообразную крышку, которую Оксана называла странно – «сапеткой⁹», оголив симпатичные домашние сосиски с сыром и, поставив колонку на стол, накрыл её.

– Милена придёт к нам завтракать? – вытаращился Кир.

Я позволил себе иронично промолчать.

Конечно, придёт, куда она денется?

Не прошло и минуты, как Оксана, шелестя грудью и юбками, заявила:

– Ну, пришли к вам, Владимир Хгеоргхич. Точно звать? Уверены?

Улыбка сама тронула уголки моих губ, я даже не стал сдерживаться:

---

⁹ Большая корзина для рыбы (казачье)

- Конечно, зови! – и другу кивнул: – Садись. По чайку?
- Да уж сейчас, давай подождём.
- Окей.

Шаги раздались далеко, просачиваясь в щель приоткрытой двери: мелкие, лёгкие и слоноподобные – моей горничной. Меня вдруг окатила душной волной. Я расстегнул пуговицы на манжетах и закатал рукава. К чему весь этот официоз, в самом деле? Оксана заглянула первой, сердце моё застучало – что за странность!

– Ну, я позвала, сами велели. Так пускать?

– Разумеется, пускай уже человека! – махнул я рукой на непутевую горничную.

Она отстранилась и распахнула дверь пошире. У меня пропал дар речи. Из под её подмышки юркнул в комнату пухлый чудик в панаме и сразу ко мне.

– Дратуте! Дратуте, прекрасный князь! – щербато просил он и шикнул на мощную горничную. – А ты говорила не пускать! Адамыча везде принимают. Даже в замке! Поняла?

И обратился на меня мелкие, осоловелые, но полные счастья глаза:

– Уважение вам, товарищ хозяин, благодарствие. А выпить-то у вас не найдётся? О-очень надо!

Мда. Не Милена.

Она так и не явилась. Надо же, какие мы гордые! Или я дурак? Похоже, обе опции верны.

Мне больше заняться нечем, кроме как думать, когда эта бандитка соизволит явиться за собственной колонкой! Вот ещё!

С испорченным настроением я занялся делами в лаборатории вместе с Киром, а потом и на поле за взлётной полосой. Друг косил на меня хитрым глазом, ухмылялся тихонько, хоть и говорил о дистанции полёта, а я делал вид, что не замечаю.

Ну да, я посматривал на часы, прислушивался к посторонним звукам, а ещё обрадовался, когда наша экспериментальная модель сбилась с курса и прямоиком спикировала в её двор. И нет, я не специально дрон туда запустил – проблема во внезапном порыве ветра, было интересно, справится ли... Но нет, ушёл в крутое пике.

– Я сбёгаю, – кивнул Кир.

– Я сам, – ответил я и рванул по оврагу вниз.

Бандитки не было дома. Неужели до сих пор амазонкой на коне прикидывается?

Ну и ладно, колонку отправлю с курьером. Но едва я вернулся к замку, в собственном дворе наткнулся на красноносого со сливовыми переливами участкового Петренко, невы-

сокого, коренастого, в рубашке в голубой цветочек и синих, не форменных штанах, с розовым полотенцем под мышкой.

– Доброго денёчку, Владимир Георгич! – козырнул расхлябанно свободной рукой участковый к клетчатой кепке.

– Доброго. Чем обязан?

Тот с лёгким конфузом, с каким обычно подобные персонажи обращаются к власти предрежающим, произнёс:

– Не сердитесь, Владимир Георгич, заявленьице на вас поступило.

– Какое?! – вытаращился я.

– От гражданочки Рыжиковой Милены Павловны, соседочки вам по участку, – причмокнул наш сливовый страж порядка и, скосив глаза к подножию оврага, поправил полотенце под мышкой.

Вот это новости!

Я скрестил руки на груди и посмотрел на него сверху вниз:

– Она сама решила сдать с повинной за нарушение общественного порядка, чтобы штраф скостить?

– Нет, – потупился участковый. – Заявила, что вы у неё, простите, колоночку ночью упёрли... В смысле, украли.

«Вот дерзкая!» – мысленно восхитился я, но вслух проворчал сердито, как и подобало моменту:

– А вы что же – поверили в kleптоманию? Решили, что мне денег на музыкальное оборудование не хватает?

Петренко разулыбался и вытер усы, поправляя сверток под мышкой.

– Та шо вы, Владимир Георгич, яка ж клеветомания? Чи я не понимаю? Дело молодое! – Он похлопал на розовое полотенце и кивнул: – Та вы не волнуйтесь! Изъял предмет заявленьица, Оксана знае. Верну хозяйечке, и дело с концом.

– То есть вы забрали вещь из моего дома без моего разрешения? – не поверил я своим ушам.

– Так и вы тож, – спокойно развёл руками и чуть не выронил колонку участковый. – Чи хотите по протоколу? Можно и по протоколу, тока у нас там праздник намечается. Не помешала бы музычка. Милена говорит: у этой вещицы «насыщенный звук», вот.

– Опять праздник, – повторил за ним я. – Теперь что? День без взяток? Или госпожа Рыжикова проставляется перед деревней за приезд?

– Ну зачем вы так, Владимир Георгич? – покачал головой Петренко. – День рожденьице. Оксаны вашей брата меньшого. Уся ребятня собралась на площадке, на которую вы бюджетец выделяли прошлым летом. Ждёт праздника пацанва! А в клубе колонку снова старшие разбили, скотчем заклеили, токмо звука там нету теперича. Одна тыц-тыц, как пластиковой бутылкой по голове.

Он посмотрел на меня, будто спрашивая запоздало разрешения, но колонку прижал к себе.

– Ясно. Забирайте, – с досадой сказал я.

И ведь она меня уделала! Ну, Милена!

– Вот и договорчик вышел у нас, – обрадовался Петрен-

ко. – Значит, заявленьице порвать можно, как Милена сказала? Хорошая дивчина! Вроде звезда из Москвы, а така дружелюбна, така цекава¹⁰. Дитям праздник задаром делае.

– Задаром? – не поверил я.

– Таки да. Пацанва обступила, помогают, шары дуют, радуются. Та и взрослым интересно: чего москвичка удумае. Приходите до почты, тоже поглядите.

– Спасибо, я занят, – сухо ответил я и показал ему разбитый в лохмотья дрон.

– Ну как хотите! – кажется, участковый на другой ответ и не рассчитывал, уже выходя за ворота, снова кивнул своим сливовым носом: – Та и Милена ж сказала: не зовите. Гродски, мол, не придэ всё равно, и праздник токмо для наших.

То есть вот как! Она считает, что может местное население против меня настроить, а себе рейтинг заработать за мой счёт? Может обыграть меня по всем фронтам и каждый мой ход просчитать? Вот это вряд ли!

Я распрошался с участковым. Затем решительно пошёл за Киром и спросил:

– А где лошади, которых ты арендуешь для своих манёвров?

– Зачем тебе? – удивился друг.

– Покататься захотел, выходной всё-таки. Думаю, может обзавестись конюшней?

– Будешь Пегасов выводить? – хмыкнул Кир.

---

¹⁰ Уверенна, красноречива (украинский и южнорусский)

– Тоже можно, – кивнул я и положил сломанный дрон к куче другого металлолома на починку. – Но пока просто кони. Тестдрайв. Ну как, ты идёшь?

Заодно посмотрю, как она перед маломишкинцами опозорится. Крах с нефтяниками я уже видел. Только я буду на коне. И как обычно, сверху.

Глава 12

Владимир

Арендовав пару скакунов, мы с Киром покатались по верхам, спустились к долине, придерживая коней. Вместе с ними пьянея, как подгулявшие зайцы, от весенних запахов, раздолья и обилия кислорода, помчались. Коршун, распахнув крылья, пронёсся совсем низко над нами, я задрал голову и испытал экстаз.

Как же я люблю небо! Сам бы так полетел, не на самолёте, не с парашютом, а как эта небесная тварь, чтобы только я и воздух! Но не дано...

– Кайф? – с улыбкой спросил Кир, заметив зависть в моём взгляде.

– Кайф!

Мы неслись по степи, покрытой свежей травой, одуванчиками и тюльпанами, взрезая грудью ветер, который запутывался в волосах, охлаждал макушку. Стук копыт, гудение воздушных потоков в ушах. Я забыл о бандитке, мне стало просто хорошо! Но некоторое время спустя мы развернулись и перевели коней на шаг. С порывом ветра от деревни к нам принесло обрывки музыки и дикие вопли. Орали, судя по всему, и взрослые, словно у почты был не детский праздник, а Месси гол забил на чемпионате мира. Мы с Киром переглянулись.

– Заглянем? – подмигнул друг.

– Если настаиваешь.

Кир расхохотался:

– Эх, Вовка! И чего ты такой стал?

– Какой?

– Индюк.

– Сам ты индюк.

– Нет, ну ты же хочешь посмотреть, что она затеяла! Ведь хочешь же?

– Не думаю, что там что-то достойное.

– Вот я и говорю: индюк! – хмыкнул Кир. – У тебя всегда были предпосылки, но сейчас ты явно превзошёл самого себя, ваше индюшейское индюшество!

– У тебя забыл спросить, как мне себя вести, – фыркнул я.

– А стоило бы. Я твой друг.

– Если ты скучаешь по своей миссии гуру, заканчивай скорее двигатель и возвращайся к своей пастве.

– Пока я здесь.

– Тогда тренируйся не на мне, а на курицах.

– Уже начал, – многозначительно усмехнулся непробиваемый Кир.

Я с подозрением глянул на него, но ничего не сказал. Вечно настроение испортит! Потому я и живу один. Люблю, когда всё зависит только от меня и ни перед кем оправдываться не надо: чего я вдруг грустный, чего радостный, о чём задумался, почему мне не надо вечером в ночной клуб, почему

я работаю сутками и балдею от этого и почему сплю голый. Я люблю жить так, как я люблю. К счастью, имею возможности.

А людей в этой деревне не изменить. Я выделил деньги на детскую площадку, половину распилили. Качели зарыли кое-как, пришлось самому нанимать непьющих работников и проверять, чтобы никто на площадке шею не свернул. Пытался привлечь местную молодежь к знаниям, набил библиотеку книгами под завязку, моноблоки поставил, так подростки туда ходят только в игры играть. Инициировал ремонт дома культуры, и что? Зимой снова холодно: котёл купили подешевле, сдачу оставили себе. В тёплое время года молодняк колонки на каждой дискотеке разбивает, лишь бы гонор свой и крутизну друг перед другом показать. Старшее поколение либо пьёт, либо ничем не интересуется.

А ведь если оглянуться, природа тут прекрасная, и можно было бы жить совсем по-другому. Однажды так и будет, когда вся земля Маломишкино станет моей. Но это когда-нибудь, не сейчас. Пока у меня другие приоритеты: разработка нового типа квадрокоптера. Так что я не индюк, а сосредоточенный на работе человек, который не разбрасывается на пустяки. Ну а эта заноза... Тем более надо посмотреть, что она устроила!

Мы выехали за угол. Вместе с музыкой из какой-то комедии, свистом и улюлюканьем перед нашими глазами предстала следующая картина: за толпой Милена в чём-то алом

звонко командовала парадом в беспроводной микрофон, ви-сящий на ухе, как у телохранительницы Президента. На пла-стиковых стульях, скамейках, на завалинке у магазина и про-сто в траве сидели взрослые. Явно не только родители со-бравшейся тут детворы, но и любопытствующие: бабушки в белых платочках, мужики, разряженные селянки. Продав-щица в красных бусах на необъятной груди облокотилась о перила сельмага и с увлечением глазела на площадку. В гла-за мне бросился прямоугольник громадной песочницы, за-полненный разноцветными воздушными шарами. Двое под-ростков поддували ещё, а девчонка в белом платице следи-ла, чтобы уже надутые не разлетелись. Интересно, зачем та-кое изобилие?

Мы подъехали с Киrom ближе. В центре площадки пяте-ро детей и двое взрослых, парень и девушка выстроились перед длинным столом. Каждый держал по высокой стопке картонных стаканов и сосредоточенно, стараясь действовать побыстрее, перекладывал стаканы сверху вниз.

– А в чём суть? – не понял я.

– Видишь, между однотонными стаканами есть полоска – это один стакан другого цвета. Видно, кто доберется до него первым, тот и выиграл.

И с разных сторон в подтверждение раздались крики:

– Давай, Мишка, тебе немножко до золотого осталось. Анька, быстрее-быстрее, шевелись! Маринка догоняет! Ва-нятка, поднажми!

И толпа взорвалась улюлюканием. Белобрысый пацан лет десяти поднял вверх стопку с золотым стаканом внизу! Ребятня запрыгала, кто-то расстроился. Милена приглушила музыку и заговорила:

– Ура победителю! Ему достается пачка чипсов и ваша любовь!

– Урааа! – заорали вокруг.

Счастливый обладатель чипсов просиял и спросил:

– А ещё конкурсы будут?

– Конечно! Всё только начинается! – громко заявила Милена и, увидев меня, посмотрела с вызовом.

Чертовски красивая. С алыми губами, в алом платье, алых сапожках и со светлыми локонами, будто звезда из фильмов пятидесятых.

– Объявляется конкурс «Погремушка»! – Милена, как настоящий аниматор с помощью моей горничной Оксаны доставала одно за другим из мешка странные приспособления, в которых я опознал две пластиковые бутылки, склеенные скотчем в районе горлышек, с нижней частью заполненной круглыми драже. Милена потрясла одну из них и очаровательно улыбнулась:

– Все, кто окажется не последним, заберут конфеты себе. Правила игры: бутылку перевернуть и по принципу песочных часов за одну минуту, пока играет музыка, вытрясти все конфеты сверху вниз. Держать можно только одной рукой. Нарушитель сразу выбывает. Итак, у нас десять «погрему-

шек»! Кто готов побороться за сладкую жизнь?

– Я! Я! И я хочу! – раздалось со всех сторон.

Её алые губы вновь растянулись в призывную улыбку.

– Помним, что у нас обязательное участие в игре двух взрослых!

– А что, давайте я! Сколько я внуку нянчил, с погремушками! Справлюсь! – сказал деревенский глава Хвилько, стягивая пиджак и промокая платком лоснящуюся лысину.

– Прекрасно! Ура вам! Поддержите, ребята! – весело прокричала Милена и добавила: – А кстати, у нас тут новые гости. Попросим нашего владельца замка, господина Гродского, поучаствовать.

– Я? Нет, – решительно мотнул я головой. – Я в таком не участвую.

– Проиграть боитесь? – задорно спросила Милена.

– Да уж точно, мне Владимир Георгиевич проиграет! – рассмеялся глава.

– Думаете? – повёл бровью я.

– Ладно, даже если вы проиграете, мы вам конфет отсыпем, – заявила бандитка в аллом. – Но если вы, конечно, боитесь опозориться...

Я спрыгнул с коня и передал уздцы Киру.

– Боюсь оставить вас без конфет, – заметил я, подходя к Милене очень близко.

Она взглянула на меня снизу вверх, но вышло будто сверху вниз и, словно дразнясь вздёрнутым носиком, добавила:

– Хотите, дети вам фору дадут?

– Незачем.

Кажется, я готов её укусить. Во всех местах, – додумала за меня безответственная часть не мозга.

Ребятня уже в нетерпении кружила возле своеобразных погремушек. Мелкая девчонка лет трёх тянулась к одной из них пальчиком.

– Тебе участвовать ещё рано, милая, – мягко отодвинула ручку Милена.

– Я за тебя поиграю. Конфеты будут твоими! – кивнул я малышке и взял в руки «погремушку» с таким настроением, будто это была булава Степана Разина.

– Не уроните, Владимир Георгиевич, – пропела Милена.

Ишь какая! Подначивает. Она ловко развернулась на каблучках, юбки взметнулись и звонкий голос прозвучал:

– Раз, два, три! До последней конфетки! Поддерживаем!

Из знакомой колонки на всю деревню грянул Джон Бон Джови. Да она издевается! И я затряс погремушку, как калечный. Чёртовы конфеты падали вниз не так просто, как поначалу казалось. Все хохотали, Кирилл вместе с конями скалились. Господи, на что я подвязался? Терпеть не могу быть всеобщим посмешищем!

Но я дотряс конфеты до первого места, а бывший глава до последнего. Я вручил выигрыш малышке в розовом и решил, что с меня хватит. Но Милена подошла совсем близко и выдохнула в меня своими соблазнительными губами неве-

роятный аромат свежести и экзотики и чего-то ещё, от чего мысли теряются.

– Поздравляю, Владимир! Вы – наш герой! А теперь участвуют только взрослые! Для начала мы с Владимиром покажем, что делать.

– Мы? А что именно? – опешил я.

– Садитесь, – она едва коснулась моей руки, и кожа отозвалась мурашками.

Народ глазел на нас с любопытством. Я сел с пластиковый стул, который бойко подставила Оксана. Милена оказалась рядом.

– Запрокиньте голову, – ласково сказала она, нависнув над мной грудью, словно собралась усестся мне на колени.

Мне стало неловко и очень жарко.

– Люди же вокруг...

– А вы не на людей, вы в небо посмотрите, – добавила весело она.

Я так и сделал. Шлёпнув мне на лоб круглое печенье, Милена продекламировала:

– Конкурс называется «Коварная печенька»! Теперь надо с помощью мимики и мышц лица сделать так, чтобы печенька отправилась вам в рот!

– Как? – не понял я, и едва успел поймать предательски соскользнувшее со лба печенье где-то в районе уха.

– Как угодно, но без рук, – промурчала искусительница. – Посоревнуемся?

– Хм, я б на это лучше со стороны посмотрел...

– Поздно! – прозвенела она, махнула рукой, и тут же заиграло из колонки что-то популярное, что постоянно крутят на каждом углу.

Я повернул голову к устроительнице безобразия и завис. она очень ловко и забавно, подмигивая и подмаргивая, аккуратно поворачивая голову, перевела печенье на висок, потом на щёку, потом движения её рта мне показались неприличными, мне снова стало душно от собственных мыслей. Пару мгновений, и шоколадное Орео было в её белых зубах.

Народ завопил и захлопал. Она подскочила и посмотрела на меня:

– А вы?

– Я проиграл, – пробормотал я. – Потому что не подхожу по техническим условиям – печенье застрянет в бороде.

– А ведь правда! – крикнул откуда-то сбоку бывший глава. – Нельзя Владимиру Георгиевичу!

Милена не растерялась:

– Поражение не принимается, но обещайте, что примите участие в следующем после перерыва конкурсе!

Она снова приблизилась, заглянула ко мне в глаза, и я не знаю, как во всеуслышание согласился на следующий позор. Её алые губы разъехались в коварной улыбке. Ещё коварнее, чем печенье. Не к добру! Но отступить я тоже не привык. Слово дал, выцыганила, эх...

Милена мазнула по мне взглядом и принялась руководить

всеобщими развлечениями. Кирилл вызвался в конкурс с печеньем вместо меня. Девицы и парни наперебой веселили всех, корча в процессе перемещения печенок уморительные рожи. Потом детей, как козлят в хлев, запустили в песочницу с яркими шарами, и они принялись с энтузиазмом хлопать их попами. Два шара успешно спаслись побегом в небо. Взрывы шариков, шум, гам, счастливые взвизги, музыка из какого-то мультфильма. Довольные мамы и бабушки качали головами и улыбались. А я понял, что на безудержную детскую радость тоже можно смотреть долго, как на воду или огонь, только желательно звук приглушить.

– Ну и как вам наш праздник? – вдруг послышалось рядом мурчащее и вкрадчивое.

Я отвлёкся от ребятни, поймав внезапно себя за тем, что улыбаюсь.

– Вполне... учитывая контингент.

– И бюджет, – совершенно по-деловому сказала Милена, – которого нет.

– А всё это? – показал я на массу подручного материала.

– Одноразовые стаканы – копейки, шарики тоже, пластиковые бутылки мальчишки притащили сами. Ушли, конечно, деньги на мыльные пузыри, ручки, конфеты, чипсы и салфетки, но это мы переживём. Даже спонсоров не будем звать.

– А вам это зачем? – не понял я.

Она взглянула на меня, как на кретина.

– На родителей посмотрите.

– Ну довольны. И что? В чём смысл? Или вы всерьёз планируете обосноваться здесь и коз доить?

– Даже если всерьёз или не всерьёз. В маркетинге и имиджмейкинге вы, как я погляжу, понимаете куда хуже, чем в аэродинамике, – съязвила Милена.

Дети долопывали, садясь с размаху, последние шары. Взрыв самого большого выбил из моего ума ответную колкость. Или дело в её запахе...

– Впрочем, и дроны у вас падают, – добавила яду Милена. – По большей части в мой огород. Странно, не находите? Облако её флёра мгновенно развеялось.

– Действительно странно, – сухо ответил я. – Намекаете на Бермудский треугольник? Где всё разумное гибнет?

Дети с ором выскочили из песочницы. Лохмотьев победенных шаров хватило бы на добрую сотню осликов Иа. Милена не удостоила меня ответом, взмахнула руками и заявила в свой мини-микрофон:

– А теперь, друзья мои, скучать нам не придётся, потому что вас ожидает вишенка на торте! Веселье перед угощениями и превосходной пиццей, которую приготовила для всех наша прекрасная семья Лопушенко, и это не просто конкурс, это... – она сделала многозначительную паузу и громко произнесла: – это «Нервная Нина»! И первый участник нам уже известен – приветствуем, Гродский Владимир Георгиевич, человек из замка на горе! Самый демократичный бизнесмен на свете, что он нам сейчас и докажет! Кто готов с ним по-

бороться?

Тотчас выскочили два парня, а я нахмурился: «Почему Нина? Почему нервная? Опять подставу придумала! Вот же зараза!»

Милена, сияющая и красивая, как все негодяйки, улыбалась на публику, будто только что не капала ядом:

– Друзья, у нас есть три мобильных телефона с приложением Шагомер. Мы их прикрепляем скотчем к шапке, и вам придётся набрать максимально возможное число «шагов» как угодно – прыгая, тряся головой, бегая на одном месте. Минута! И вы победитель или проигравший!

Я покачал головой:

– Нет, в таком я пас.

– О нет! Все же слышали, что вы согласились участвовать! Разве вашему слову нельзя верить? Давайте поддержим господина Гродского! Давайте! Громче! Громче!

Все заплодировали, кто-то проорал моё имя, как в дурацком театре, бандитка с алыми губами посмотрела на меня, как на капризную девочку:

– Ну что же вы, Владимир! Докажите, что вы умеете работать головой! Или не умеете?

Кажется, я её придушу. Сегодня ночью. Или прямо сейчас. И не спрошу, молилась ли...

Глава 13

Милена

Детский праздник прошёл на ура! Кто не видел, тому расскажут. Кто не в курсе, тому приврут.

«Я супер стратег!» – сказала я себе с утра, едва проснувшись и мысленно повесила себе медаль за битву по завоеванию местного населения максимально быстро и с наименьшей кровью.

Не признаваясь в собственных провалах, долгах и ярости нефтяников, я придумала спецверсию для местных жителей, которым не терпелось узнать меня поближе: мол, получила домик в наследство, а главное – с друзьями поспорила! Те вроде как заявили, что я не смогу в деревне и месяц продержаться, а я – что всё у меня получится, и что в деревне живут прекрасные, умелые, умные люди – такие, что все обзавидуются в своей столице! Да и на что там смотреть, в той Москве? Бутики, метро, стекло и бетон? Тоска! А тут гуси, кони, натурпродукт и даже пыль экологически чистая. А какие лица румяные, глаза блестят!

– Это после вчерашнего, – добавила Лера, дочь конюха.

– От чистого самогона на антоновских яблочках заблестят ещё и больше! А то, шипсдесят градусов! – подтвердила Надежда, благодарная мать именинника.

– Крепче виски! – присвистнула я.

– Якой там Вискас? – встрял в разговор подошедший сосед в облаке алкогольного флёра, которое вполне можно было считать биологическим оружием. – И Кытикэт жрут вместо холодца на закусь...

– Та иди отседа! – прикрикнула на мужа Надежда. – Не подслушивай!

– Нужны мне ваши бабские сплетни! – гордо ответил раскачивающийся, как джинн из бутылки, отец именинника и, поправив кепочку, проложил навигацию в сторону сарая.

Что и говорить: продолжение детского праздника тоже удалось, но в этом моей вины уже не было....

– Ты рассказывай лучше, рассказывай! – привлекла моё внимание Оксана.

И меня понесло, как спецвыпуск новостей, о том, что знакомые мои состоятельные, и у меня есть план. Судя по глазам дочки конюха Валерии, Оксаны, Надежды и Марины из сельмага спецверсия о споре в моём рейтинге сразу добавила баллов. Все почувствовали себя сопричастными, ведь от них зависело, кому на деревне жить хорошо.

– А они точно до нас нагрянут? – живо поинтересовалась под пироги и вишнёвую наливочку Надежда. – У нас вроде ни достопримечательностей, ни казино, одни коровьи лепёшки.

– Для кого и коровья лепёшка – экзотика! Весь вопрос, как подать, – ответила я.

– С соусом, – ляпнула Лера.

– У тебя котелок варит, ты придумаешь. Нашим бы в голову не пришло, что столько радости можно из салфеток да пустых бутылок сварганить! – заявила раскрасневшаяся от угощений продавщица Марина.

Я добавила с задушевной хитрецей:

– Если вы решите поучаствовать в моём проекте, можно будет подзаработать. Кому помешают лишние деньги на косметику, новое платье...

У девчонок загорелись глаза.

– Или на сепаратор, – закивала Надежда, подливая из штофа в разномастные рюмки ещё наливочки.

– С работой тут туго, – подтвердили дамы. – Как завод по производству конфет закрылся, так кукуем неизвестно на чём.

– Если дело пойдёт, можно будет настоящий туристический сезон открыть, – будто по секрету, громким шёпотом сказала я. – Но у меня одной, конечно, ничего не получится...

– Дык делись! – сказала Марина.

Я сделала заговорщический вид. Все подтянулись к центру стола, под лампу в беседке, и у каждой над макушкой закружился нимб в виде мошек.

– Гарантий нет, – призналась я. – Но и вложений особых не нужно.

– Чи понравится городским у нас? – спросила Оксана. – Токмо если в замке Владимира Георгича.

– Боюсь, он гостей не пустит, – хмыкнула я. – И так сбежал.

Остальные прыснули. Марина до слёз из глаз. Вытирая их вместе с размазанными стрелками, она сказала:

– А как погремушкой-то тряс, Мессершмитт наш! Чуть глаза не выпали на стол.

– По-моему, глаза его выпали, когда его Мила на стул усадила и грудями по носу прочти жмякнула, – смеялась Надежда.

– Не, мне больше понравилась рожа Чупа-Чупса про «Нервную Нину», – перебила Марина. – А почему Нина-то?

– Не знаю, само придумалось, я не виновата! – хмыкнула я и не, сдержавшись, расхохоталась тоже.

Вспомнилось, как Владимир вытаращился в ответ на мою реплику, что надо поработать головой. С выражением оскорблённого достоинства сунул мне обратно кепку с мобильником и заявил:

– Я в клоунаде не участвую! Другой профиль.

– А обещание? – спросила я, не планируя отступить.

Феодал замялся, но позиций не сдал. И вдруг, к моей досаде, подскочил наш общий знакомый Кирилл:

– Всё в силе. Мы с Владимиром партнёры, так что принимаю обязательства на себя!

На лице моего врага проскользнуло явное облегчение, и оно снова стало каменным.

– Так не честно! – ответила я.

Мне вторил кое-кто из толпы. Гордый Чупа-Чупс развернулся ко мне спиной, вскочил на коня и умчал. Буквально на долю секунды что-то неловкое ёкнуло в моей груди, но развиться состраданию я не позволила: на войне, как на войне. Надев улыбку на лицо, я продолжила праздник. Мой рейтинг явно вырос, а его упал.

* * *

– Но всё же коровьи лепёшки не очень-то интересны, – прервала мои воспоминания Лера.

– Зато кому не хочется большой и светлой любви? – просяла я.

Надежда с азартом принялась подливать мне в рюмочку густой, бордовой, как кровь, наливки, а я попросила:

– Мне капельку, пару капель, а то я очень быстро пьянею!

– Не дрыщ, натуральное, – заверила хозяйка и, убрав мою ладонь, долила до краёв.

– Так а что там про любовь-то? – Не удержалась Оксана. – Нам нужно, это понятно. А в столице мужиков, что ли, мало?

– Много, да не всё так просто. Даже на Рублёвке страдают от несчастной любви, – кивнула я, ещё более осмелев от натурпродукта, и закусила его редиской.

– Так мы их не обеспечим, самим не хватает. Ассортимент небольшой, – пояснила Марина. – Три холостяка, из них один нормальный, двое пьющих и Чупа-Чупс, но тот как

истукан.

– Натуральный истукан, – подтвердила, поправляя пышную грудь Оксана. – Не пробьёшь! Я пробовала.

Мне представилось, как она прёт этой грудью на феодала, как тараном, и я зависла.

– Так а дальше что? Нам самим не хватает, говорю! – громче проорала Лера. – Что мы твоим Рублёвским можем предложить?

– Коня... – пробормотала я, с трудом возвращаясь к канве разговора.

Нет, пить больше нельзя!

Дамы уставились на меня расширенными глазами. Надежда прикрыла рот пухлой рукой:

– Да ты шо! До того всё плохо?! Грех-то какой...

Я отмахнулась от мошки и воображения и мотнула головой:

– Да не в том плане! Есть легенда! Про ночное с конём!

– Нет легенды, – сказали бабоньки.

– Есть! – стукнула я ладонью по столу и достала из широкого кармана часть письма тёти Тоси. – Когда на Дикое поле, в степи, то есть вот прямо сюда явились татары, захватили кучу народу в плен, к хану Батыю приехала наша казачка на чёрном коне и попросила выкупить брата. Хан удивился и спросил, почему не мужа. А казачка и говорит: «Замуж можно ещё раз выйти, будет другой муж. С мужем и свёкр, а там и сын, а брата мне взять неоткуда». Хан впечатлился и тоже

решил поумничать. Сорвал первый попавшийся в степи цветок и дал ей. Сказал: «Иди по Орде, пока цветок не завянет. Если кого из родни увидишь, забирай без выкупа». Только у хана с ботаникой было плохо. Он сорвал бессмертник, тот вообще не вянет. Казачка на коне ночь в степи переночевала спокойно, потом всю родню разыскала, кучу народа освободила, да еще и суженого нашла – парень ей один пленный понравился. Он, кстати, князем оказался русским. Казачка вернулась домой, вышла замуж, и всё стало хорошо. Вывод: кто переночует в степи с конём, где растёт много бессмертника, найдёт свою любовь и будет счастлив.

– А я, дура, на Тиндере¹¹ сижу, – покачала головой продащица Марина.

– Вроде по-другому предание было, – засомневалась Лера.

– Искажено за сотни, даже за тысячи лет, – нашлась я и помахала письмом: – Мне баба Тося написала то, во что не поверила по молодости, потом уже стыдно было проверять, а ей из уст в уста, из рода в род. В общем, это правда! И в письме она рекомендует, что если хочу замуж, фьють, в поле с конём. Это почти её завещание.

– Как в песне? – моргнула Оксана и пробасила: – «Выйду ночью в поле с конём...»

– Ну, и песни не на пустом месте складываются, – развела я руками.

– Там же про мужика поётся, – сказала Марина.

---

¹¹ Приложение для знакомств

– Именно, про одинокого, – ткнула я в неё пальцем, как Трамп в электорат. – Но ему не повезло: легенда действует только на женщин. Ещё со времён Великой Праматери.

Наступила пауза. Только цикады затрещали вокруг и стенка сарая, на которую привалился муж хозяйки.

– Кого? – осипла от торжественности момента Марина.

– От самой Земли, которая и подарила женщинам этот цветок. У греков её Герой называли, на Руси Макошью, во всех народах по-своему. Я так глубоко этот вопрос ещё не изучила. Тут главное вера!

– Наш батюшка тоже так говорит, – кивнула Надежда, порываясь налить мне ещё.

– Умный значит, – сказала я и снова накрыла рюмку рукой. – Мне хватит капельки.

– Нет, такие разговоры просто так не ведутся, – решительно ответила Надежда. – За любовь, девчата. Давайте за любовь! Всем её надо, особенно если муж пьющий и дурак!

«Я так сопьюсь! Я же вообще не пью!» – возмутилась я и, чокнувшись, закусила огромным пирожком, который Оксана почему-то назвала круассаном, с рисом и яйцом...

– А при чём тут конь? – не унималась Лера.

– А как бы казачка приехала к хану? – не поддалась я. – Пешком? Через всю степь? К тому же, у коней повышенный мистический уровень, ночью возле водоёма они чуть ли не драконами стать могут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.